

УРОБОРОС

ТОМ II

ЮРИЙ РОКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Рокотов
Уроборос. Том 2

«Автор»

2026

Рокотов Ю.

Уроборос. Том 2 / Ю. Рокотов — «Автор», 2026

2110 год. Роберт собирается убить нового хозяина «Госводорода». Но чтобы добраться до него, бывшему наследнику корпоративной империи придётся заслужить доверие бандитов с московских окраин. Шоу пытается устроиться в Мексике. Его знания и опыт нужны местному клану, который готовится к войне. Кори приходит в себя в храме сетевого культа и впервые за много лет не чувствует потребности заглушить происходящее в голове. Денис Харис тем временем работает над решением той же проблемы в масштабах человечества. Он убеждён, что природу людей можно исправить технически, и у него наконец достаточно средств, чтобы это проверить. Второй том мрачной киберпанк-саги «Уроборос».

Юрий Рокотов

Уроборос. Том 2

Юрий Рокотов
Уроборос
Том 2

Глава 1. «Красный восход».

Москва, 21 июля 2110 года.

Июльская погода в Москве никогда не отличалась бережным отношением к населению столицы. Еще с начала XXI века температура за окном частенько подбиралась к отметке 40 градусов по Цельсию. Однако лето 2110 года выдалось особенно inferнальным.

В час дня значения на термометрах приближались к отметке 55 градусов. Испепелению подлежало все, что не было должным образом защищено от термического воздействия окружающей крайне недружелюбной среды. Мир будто бы педантично напоминал, что совсем недавно случился какой-никакой, но всемирный апокалипсис, и хорошо бы человечеству извлечь какие-то выводы из этого.

Однако одной лишь жарой в столице дело не ограничивалось. Помимо расплавленных покрышек и дронов на улицах, резко увеличилось и количество осадков. Летние дожди в Москве яростно пытались утопить все еле уцелевшие участки суши.

В итоге создавалась невыносимая комбинация мрачного будущего: стена воды с неба днем под воздействием жары испарялась чуть ли не в воздухе, создавая удушливую баню для всех жителей Москвы. Ночью же, с падением температуры, воды в низинах становилось значительно больше.

Особенно сильно доставалось обитателям бедных колец – ночные ливни затапливали целые районы, а уже днем это превращалось в кипящее болото из отходов, мертвых тел бездомных, химикатов и чьих-то надежд прожить счастливую жизнь.

Тем не менее, несмотря на все враждебные условия окружающей среды, человечество продолжало двигаться вперед в своем технологическом развитии и желании погрузить мир в ядерную зиму. На фоне последних событий, связанных с семьей Чековских, отношения между Россией и Западно-Китайской Империей заметно испортились.

Президент России Елена Раевская приостановила ратификацию пакта о взаимном ненападении с ЗКИ. Государственная машина пропаганды изрыгивала нарративы о том, что Чунцин начал нечестивую кампанию по подрыву устоев российского общества. На выборах мэра Москвы победил ультраправый консерватор Максим Сорокин – ставленник промышленного блока, обещавший перекрыть недобросовестным иностранным партнерам доступ к рынку Москвы, если они откажутся соблюдать новые экологические и технологические требования.

Власти стали строить фасад всеобщего патриотического угара и реставрации суверенного величия России.

На деле же крушение Владимира Чековского, предложившего в 2109 году вменяемую технократическую альтернативу стагнирующему долгие годы дискурсу, создало вакуум власти. Одновременно с этим империя Дениса Хариса увеличилась в несколько раз после получения контроля над «Госводородом».

Такое стечение обстоятельств вынудило политическую верхушку подстроиться под интересы фактически экономического гегемона в лице Хариса и создать благоприятные условия для «Российских кибернетических систем» и других промышленных проектов человека-машины.

Сам же Харис начал вести более закрытый образ жизни. Он практически перестал появляться на публичных мероприятиях, посещая лишь те, что были политически обязательными. Человек-машина углубился в официальную работу «Госводорода» и теневой контроль «РКС». Денис Васильевич круглосуточно находился в своем офисе, раз в неделю появляясь дома, чтобы создать видимость, что он все еще человек и ему интересно, как поживает его дочь Эльза, грамотно выданная замуж за сына министра энергетики России Алексея Кручинова.

Общение же с женой – Эльбой Харис – стало рудиментарным. Она, кстати говоря, прекрасно понимая свое положение, не устраивала концертов и скандалов, спокойно наслаждаясь свободой, которую фактически получила от «мужа», периодически топя боль одиночества разного рода веществами.

Тем не менее, несмотря на ярко выраженный аскетизм Хариса, медийное присутствие его образа в ежедневной новостной повестке России стало бить все рекорды. Его аватары и ИИ-двойники высказывались относительно всех актуальных вопросов и проблем, волнующих граждан России. Символ эпохи начал строить образ «спасителя», ведущего народ к прекрасному трансгуманистическому завтра. Что у него в целом получалось успешно.

«Госводород» же переживал подъем, какого не было с начала XXII века. Несмотря на тотальное сокращение персонала, замену значительной части сотрудников искусственным интеллектом и фактически превращение корпорации в тоталитарную структуру, эффективность деятельности организации выросла многократно: восстановилась работа над проектами, на которые по указу ЗКИ Владимир Чековский наложил вето, увеличилась маржинальность бизнеса, потекли инвестиции в научные разработки.

Присутствие машины-руководителя чувствовалось в здании «Госводорода» буквально на каждом этаже. Тем, кто не попал под сокращения, ощутимо повысили оклад, потребовав взамен чуть ли не душу. Человеческие эмоции, будь то радость, смех или грусть, напрочь выветрились из штаб-квартиры госкорпорации, а на смену им пришли машинный расчет и страх.

На часах было 21:44. Температура в кабинете руководителя держалась в районе 10 градусов по Цельсию, оставляя на панорамных окнах конденсат. Едва заметные лампы тускло светили синим цветом в углах помещения. Харис сидел за столом, подключенный к серверу, и вычислял вероятности. Он был неподвижен, лишь открытые глаза хаотично двигались в такт с работой нейропроцессоров.

За окном сверкнула молния и раздался раскат грома.

Символ эпохи замедлил расчеты. Повернул голову вправо и меланхолично вздохнул. Затем встал и подошел к окну посмотреть на небо.

Зазвонил телефон защищенной внутрикорпоративной линии – бессмертный артефакт прошлого. Харис медленно развернулся, шагнул и поднял трубку.

Слушаю, – металлическим тоном произнес символ эпохи.

Денис Васильевич, результаты расчетов «Андромеды» по Африке готовы, – раболепным голосом протараторил начальник Департамента стратегии и развития Роман Арышев.

Прекрасно, сбрасывайте, посмотрю. На сегодня все, можете идти домой.

Принято, спасибо, до свидания!

Харис положил трубку. Затем сел на стул и подключился к серверу. Распаковал пакет и запустил поверхностный анализ. Минута. Две. Три. Нейроинтерфейс выдал прогноз: прибыльность в течение 5 лет – 84%.

Ха-ха... – вслух произнес киборг. – Как же ЗКИ взвоят... Сколько же вы заработали на Володе, пока никто вам конкуренции не составлял.

Харис смахнул голограмму. Цифры прибыли, отчеты «Андромеды», карты африканских месторождений – все это схлопнулось в одну тускнеющую точку и исчезло.

Пыль. Инструмент. Шум, обеспечивающий тишину для настоящей работы.

Все эти триллионы были не целью, а лишь топливом для двигателя, который должен был сдвинуть мир с его прогнившей оси.

Харис просидел в неподвижности несколько секунд, глядя на пустую, черную гладь стола. В кабинете становилось всё холоднее. Единственным звуком был едва слышимый из вентиляции гул криогенных насосов, охлаждающих центральный сервер и кабинет руководителя где-то в недрах башни.

Затем он произнес два слова, активируя совершенно иной протокол.

Unus Animus.

Поверхность стола потекла, превращаясь в глубокий, почти органический мрак фиолетового цвета, из которого начали произрастать светящиеся нити. Они сплетались в сложнейшую, постоянно меняющуюся структуру, похожую на нейронную сеть.

Харис разработал специализированное программное обеспечение для своего детища: самообучающуюся проектную сводку в реальном времени, позволяющую вести отчетную и управленческую работу под контролем ИИ. Фактически это было продвинутым сознанием самого проекта homo collectivum. Кастомный ИИ под одну конкретную шизофреническую задачу.

Пальцы Хариса легко заскользили по интерфейсу, открывая корневую директорию. Он впитывал информацию напрямую, но на голограмме для него самого – или для той части его сознания, что все еще цеплялась за человеческие ритуалы, – высвечивались ключевые файлы.

Он пролистал дальше. Лабораторные отчеты. Здесь, на этих страницах, была задокументирована титаническая, но пока безуспешная борьба с самой природой. Ранние эксперименты на животных и синтетических организмах.

ОТЧЕТ. ЛАБОРАТОРИЯ РКС-11 (ЭКСПЕРИМЕНТ №42).

Объект: Нейронная ткань.

Задача: Достижение устойчивой синхронизации с ИИ-ядром.

Результат: Спустя 5 часов после подключения зафиксирован каскадный некроз тканей. Причина: органический носитель отторгает логическую структуру ядра как чужеродную. Коэффициент отторжения – 99.8%.

ОТЧЕТ. ЛАБОРАТОРИЯ РКС-4 (ЭКСПЕРИМЕНТ №101).

Объект: Шимпанзе, самец, «Объект-9».

Задача: Интеграция прототипа нейросинхронизатора.

Результат: Через 12 часов после активации – обширное кровоизлияние в мозг. Объект уничтожен. Причина: конфликт между биологической и искусственной нейронной активностью.

Харис с холодной отстраненностью просматривал десятки таких отчетов. Провалы его не расстраивали, а лишь уточняли параметры задачи. Технологии не были причиной провалов. Проблема была в несовершенном, упрямом и хаотичном коде самой жизни.

Он открыл следующую секцию. «Кандидаты». Данные из Ясногорского «Приюта Сети». Обезличенные профили, сведенные к набору цифр и графиков.

Психотип «Адепт»: Высокий уровень внушаемости. Низкий эго-потенциал. Предрасположенность к растворению личности в коллективе. Идеален для периферийных узлов сети.

Психотип «Страдалец»: Высокая нейропластичность, вызванная хронической химической зависимостью и ПТСР. Организм привык к постоянной борьбе и адаптации. Потенциальный кандидат для стресс-тестов.

Психотип «Пророк»: Харизматик. Способность к трансляции и усилению сигнала. Возможный ретранслятор для субузлов.

Он просматривал их, как фермер осматривает скот перед забоем. Все это был лишь материал. Мясо. Но для создания идеального сосуда нужна была свинья особого качества.

Очередная ночь человека-машины прошла в этой безмолвной, механической работе. Москва за панорамными окнами жила своей лихорадочной жизнью – огни авиамобилей, вспышки реклам, темные провалы бедных колец. Харис не замечал этого. Он был в своем мире чистых концепций, где человечество было лишь переменной в уравнении, которое он был обязан красиво сократить или вынести за скобки.

Когда первые лучи света коснулись шпилей башен, он наконец оторвался от голограмм. Денис Васильевич не чувствовал усталости – его тело давно было оптимизировано для работы без сна в течение нескольких дней.

Он подошел к окну.

Солнце, пробиваясь сквозь плотный слой смога и испарений, заливало небо больным, красным светом. Облака походили скорее на летающие гематомы. Весь город тонул в этом тревожном, инфернальном сиянии. Улицы внизу казались артериями, по которым текли потоки бездумных клеток-машин, каждая – со своей мелкой, бессмысленной целью. Хаос. Энтропия. Биологическая ошибка.

В полной тишине раздался мягкий мелодичный сигнал. На сетчатке его глаза вспыхнуло уведомление от персонального планировщика.

«10:00. Инаугурация мэра Москвы Максима Сорокина. Кремлевский дворец».

Харис на мгновение замер, глядя на красный восход. Затем, одним плавным движением, смахнул голограмму проекта. Пульсирующая нейросеть схлопнулась в точку и исчезла.

Денис отвернулся от окна. Для него время с 05:00 до 07:00 было самым важным. Часы, когда органическая часть мира еще спала или приходила в себя, а он проходил процедуру, которую называл просто – «чистка».

Он подошел к стене, положил руку на черную мраморную плитку. Справа открылась скрытая дверь. Он вошел в смежное с кабинетом помещение – небольшую, абсолютно стерильную комнату без окон, стены которой были выполнены из матового, поглощающего свет полимера. В центре стояло кресло, больше похожее на док-станцию: сложные манипуляторы, десятки портов и датчиков, полусфера, накрывающая голову.

Харис снял одежду. Гладкая, лишенная пор синткожа пересекалась тонкими швами там, где под ней скрывались усиленные сервоприводы и блоки питания. Он сел в кресло. Манипуляторы плавно выдвинулись, подключая к портам на его позвоночнике, висках и запястьях тонкие иглы и кабели. Полусфера опустилась, погрузив его голову в темноту.

Началась чистка.

Это не было сном в привычном человеческом понимании. Он скорее отключал сознание, передавая полный контроль компьютеру. Харис чувствовал, как по «венам» течет кровь вперемишку с нанороботами. Они двигались, как армия коммунальщиков: находили и устраняли микроскопические клеточные повреждения в органических элементах тела, накопившиеся за сутки, выводили из организма метаболические отходы, оптимизировали гормональный фон до заданных параметров. В это же время через нейроинтерфейс шла дефрагментация его «мокрого процессора» – мозга. Ненужные эмоциональные отпечатки затирались, краткосрочная память архивировалась, синаптические связи, отвечающие за аналитику, усиливались.

В 07:00 система завершила цикл. Харис открыл глаза. Никакой сонливости, никакой утренней слабости. Только абсолютная ясность и готовность. Он отсоединился от док-станции, медленно встал, оделся и вернулся на своё рабочее место.

Тело работало как идеально отлаженный хронометр.

Следующие два часа он посвятил информационной войне. Перед ним развернулась голографическая карта всего инфополя Москвы. Он поглощал потоки данных, векторы общественного мнения, узлы напряжения. Анализировал предиктивные модели реакции на инаугурационную речь Сорокина. Отдавал приказы своим медийным ботам – невидимой армии, которая уже начинала «прогревать» соцсети, вбрасывая нужные нарративы и подавляя нежелательные.

Ровно в 08:58 он закончил работу с инфополем. Запустил надзорные и телекоммуникационные системы «Госводорода» и встал из-за стола.

Медленным шагом он двинулся к другой стенке, открыл дверь в «жилой отсек» – на этот раз обыкновенную. Внимательно посмотрел в зеркало, затем скинул одежду и зашел в душевую капсулу.

Струи ледяной воды с сильным напором ударили по телу киборга со всех сторон. Минута. Две. Три. Затем из тех же отверстий начал дуть воздух, убирая влагу с тела человека-машины.

Харис вышел из капсулы и направился к гардеробу. Надел безупречный черный костюм. Маска идеального, харизматичного государственного деятеля была на месте.

В полной тишине раздался мягкий мелодичный сигнал. На сетчатке глаза высветилось уведомление.

«Буран запущен. Маршрут согласован с правительством Москвы».

Харис на мгновение замер. Его лицо, бывшее лицом одержимого творца, разгладилось, приняв выражение спокойной, уверенной силы. Программа по имитации поведения сменила пластинку.

Он вышел из кабинета и вызвал персональный лифт. Кабина из полированного обсидиана и матовой стали беззвучно поползла вверх на 86-й этаж башни «Госводорода».

В ангаре его ждал «Буран» – авиамобиль, больше похожий на стелс-бомбардировщик. Матово-черный корпус, выполненный из радиопоглощающих композитов, хищные, ломаные линии, полное отсутствие опознавательных знаков. «Буран» Хариса летал по закрытым правительственным трассам «Спектр-1», прорезая небо Москвы там, где другим было запрещено.

У порога транспортного средства стояли два тяжело аугментированных телохранителя.

Внутри – три кресла, идеально подогнанные под тело, и круговой голографический интерфейс. Харис занял свое место, телохранители также забрались внутрь.

Машина, издавая завораживающий шум винтов, оторвалась от площадки, вынырнув в утренний смог через шлюз.

Под ним проносились кольца Москвы. Харис бросил мимолетный взгляд вниз. Там, где раньше была Московская область, теперь блестела на солнце свинцовая гладь затопленной суши, напоминающая скорее море. От него столицу отсекал титанический шрам на теле планеты – стена гидротехнического комплекса «Каскад», удерживающая воды постапокалиптического мира от того, чтобы поглотить город. Сама Москва-река внутри этого периметра давно превратилась в искусственный, зарегулированный канал. Еще одно доказательство того, что воля человека способна подчинить себе даже хаос природы.

Авиамобиль приземлился на скрытой посадочной платформе у Сенатского дворца в Кремле. Пять бойцов Федеральной охраны в экзоскелетах стояли у площадки в ожидании очень важной персоны.

Дверь открылась. Телохранители Хариса вылезли наружу, внимательно изучив взглядом сотрудников и окружающую обстановку. Затем показался Харис. В сопровождении семи человек он двинулся ко входу в Большой Кремлевский дворец.

Андреевский зал был полон. Бойцы Федеральной охраны сопровождали гостя ко входу и вернулись на свои посты. Харис вместе с телохранителями не стали привлекать к себе лишнего внимания. Символ эпохи мирно сел в четвертом ряду среди глав корпораций и промышленников, а охрана заняла места в третьем и пятом рядах, прикрывая фронт и тыл начальника.

Спустя пять минут по левую руку от Хариса, грузно пробираясь через сиденья, уселся Ильяс Петров. Он обменялся несколькими репликами с символом эпохи и почтительно пожал ему руку. Справа присела женщина в возрасте, одетая в синий строгий костюм.

Ровно в десять утра на трибуну взошел избранный мэр Максим Сорокин. Высокий, с волевым подбородком, Сорокин хорошо смотрелся за трибуной.

...эпоха сомнений и слабости закончилась! – прогремел его голос. – Сегодня мы возвращаем себе право быть великими! Мы начинаем строить новую Россию – сильную, суверенную, технологически независимую!

Он говорил о новых заводах и прорывных проектах, о «возрождении национальной гордости». Камера несколько раз выхватила лицо Хариса – спокойное, одобрительное. Затем показала лица министров и крупных магнатов.

Мы готовы к честному партнерству, – продолжал Сорокин, и его голос стал жестче. – Но мы не потерпим двойных стандартов и скрытого влияния на нашу внутреннюю политику. Время, когда можно было строить свое благополучие на технологическом шантаже и использовании агентов влияния, прошло. Россия больше не позволит диктовать себе условия. Наш суверенитет – не предмет торга.

Речь закончилась оглушительными, тщательно срежиссированными овациями. После того как Сорокин принял присягу и выслушал поздравления от президента Раевской, гости поднялись с мест для личных поздравлений согласно протоколу. Харис выждал паузу, затем поднялся и подошел к мэру.

Денис Васильевич, – первым протянул руку мэр. Улыбка на его лице была широкой, но глаза бежали. Харис пожал протянутую руку железной хваткой.

Максим Александрович, это была сильная речь. Исторический момент для Москвы. Горжусь, что в наше время находятся такие политики, как вы!

Он вежливо хлопнул мэра по руке и, наклонившись чуть ближе, якобы для дружеского объятия, тихо, почти на ухо, добавил:

Сообщите мне, когда будете готовы к разговору, не затягивайте.

Затем он отстранился, кивнул остальным и, не оглядываясь, пошел к выходу. Телохранители последовали за ним. Толпа расступилась перед ним, как вода перед ледоколом.

Харис забрался в свой автомобиль и ретировался в логово.

Москва просыпалась под звуки стрима инаугурационной речи Максима Сорокина в надежде на хорошие перемены.

В тот же самый момент, за сотню километров отсюда, на Десятом кольце, оглушительный рев динамиков на уличном экране затих, сменившись гимном. Олег, рабочий сборочного цеха биопротезов, оторвал взгляд от голограммы и глубоко, почти счастливо, вздохнул.

Он стоял посреди площади, заваленной мусором, но его дешевые глазные импланты, подключенные к подписке «Чистый Город – LITE», этого не показывали. Они симулировали утопический ландшафт, дополняя окружающую реальность и заменяя «текстуры» мира.

Для него стены убогих панельных башен были покрыты чистой белой штукатуркой с яркими цифровыми граффити. Серое небо над головой было приятного голубого оттенка. Люди вокруг, такие же изможденные работяги, в его глазах выглядели опрятно и спокойно. Речь мэра о «золотом веке» и «возрождении величия» на фоне этой искусственной идиллии казалась чистой правдой.

Гимн закончился. На экране снова появилось улыбающееся лицо Сорокина. Олег почувствовал укол патриотической гордости. Да, все будет хорошо. Теперь точно.

В эту же секунду прямо по центру его поля зрения вспыхнуло уведомление. Красное, тревожное.

[ОШИБКА ОПЛАТЫ. ВАША ПОДПИСКА "ЧИСТЫЙ ГОРОД – LITE" ПРИОСТАНОВЛЕНА. НЕОБХОДИМО ПОПОЛНИТЬ БАЛАНС]

Мир моргнул, зарыбил, и реальность обрушилась на него словно пианино с седьмого этажа.

Иллюзия исчезла.

Белые стены башен мгновенно покрылись многолетней грязью, ржавыми потеками и омерзительными граффити. Приятные цифровые узоры сменились выцветшими символами местных банд. Голубое небо схлопнулось в низкий, удушливый купол желто-серого смога. Люди вокруг... Олег содрогнулся. Их опрятная одежда превратилась в рваные, грязные лохмотья. Спокойные лица – в изможденные, серые маски усталости и безнадёги.

Воздух, который секунду назад казался свежим, наполнился вонью гниющего мусора, озона от коротнувшей проводки и кислого перегара из открытого окна пивной.

Вдохновенный гимн с уличного экрана сменился реальными звуками Десятого кольца: далекий вой сирены, скрежет мусороуборочного дрона, безуспешно пытающегося сожрать кусок арматуры, и пьяная ругань из-за угла.

Олег медленно повернул голову обратно к экрану. С него все так же улыбался мэр Сорokin на фоне золотых орлов Кремля.

Золотой век начался. Просто только для тех, у кого была оплачена подписка.

Мексика, апрель 2110 года.

Солнечный луч, прожигая двойной стеклопакет старенького окна, слепил всех находящихся в помещении учеников. На улице виднелись какие-то невнятные очертания растительности на школьном дворе. Материал парт больше напоминал колючую вату, а не пластик. Все казалось пыльным, ржавым и одновременно очень знакомым. Легкие заполонила вонь спертого воздуха, металла и отходов.

Бот стоял у экрана-доски и хаотично двигал рукой, указывая на непонятные значки и медленно плывущие образы. Солнце слепило так сильно, что оставляло черное пятно на сетчатке глаза, периодически перекрывающее весь окружающий мир. Черт... Как неудобно... Хочется куда-то деться отсюда подальше.

Дети... Тут сидели дети за столами по направлению к экрану, их туловища были развернуты в сторону школьного бота. Но лица... Лица... Почему-то смотрели на меня. Словно рой хищных огромных насекомых, созерцающих свою добычу в ночном лесу. Я не мог разглядеть ни одно из них. Каждый раз, когда я пытался взглянуть им в глаза – они начинали размываться и тревожно скалить зубы.

ДЗИИИИИННННЬ

Оглушительный металлический звук школьного звонка проревел, почти порвав ушные перепонки. Солнце погасло. На школьном дворе поднялась песчаная буря, несущая бесчисленное количество мусорных пакетов, плакатов и какой-то мрачный удушающий черный туман. В нос ударил запах ацетона и липкой ванили.

Ожог от луча солнца никуда не девался. Стало совсем темно. Одиноко и холодно. В дверь класса кто-то очень громко постучал, будто пытался выбить ее ногой.

БАМ-БАМ-БАМ!!!

Тишина...

БАААМ!!

Дверь медленно открылась всего на несколько сантиметров. В щели показалось лицо... Такое знакомое. Мария? Нет... Диана?! Сестра! Привет, родная! Ты что тут забыла? Разве тебе не нужно сидеть на уроке?

Он всегда всех бросает, – прозвучал голос откуда-то сзади...

Такой знакомый... Кто это? Кори??

На голове школьного бота резко начали расти рыжие волосы прям из резиновой поверхности. На его лице смутно отобразились знакомые черты Дональда.

АХАХАХАХААХА

Дети истошно завизжали и начали тыкать пальцем. Они стали такими большими, словно великаны. Или это я стал размером с муравья?? Душно... Некуда деться...

Ты так и не вернулся домой, сынок...

Что? Я... Мама! Прости... Я должен был! Стой, не уходи! Я так по тебе скучаю...

В классе зажглась неоновая лампа, перекрасив все окружение в истеричные оттенки синего цвета. Какое же мерзкое чувство: будто кто-то взял мясницкий крюк, зацепил мое сердце и медленно накручивает его против часовой стрелки. Твою мать!!

Закрою глаза и убегу отсюда!

Быстрее!

ЕЩЕ БЫСТРЕЕ!!!

Я не двигаюсь!!

Дети все больше и больше, они скалят свои зубы и ехидно улыбаются! Сестра!! Помоги мне! Диана!! **ИАНА, СТОЙ!! ПОДОЖДИ МЕНЯ!!! НЕ УХОДИ!!! ИАНА!**

Андрэ!! Андрэ, проснись, cabron!! Уже шесть тридцать, поднимайся, ты весь в поту мокрый!

Высокий короткостриженный брюнет подтянутого телосложения, одетый в полевые штаны цвета хаки и белую безрукавку, стоял над кроватью Андрэ и пытался его растолкать. Шоу болезненно стонал и дергался в легких хаотичных конвульсиях. Затем резко подскочил с подушки и, открыв глаза, стал судорожно вдыхать воздух, словно его держали под водой целую вечность.

Спустя секунд десять Андрэ отдышался и пришел в чувство. Нехотя оглядел комнату и уселся на край кровати.

И часто ты так? – спросил Хосе, сложив руки на груди.

Бывает периодически. Не обращай внимания... Который час?.. – сбивчиво ответил Шоу, протирая глаза.

Шесть часов, тридцать две минуты. Выдвигаемся в семь ровно. Нужно быть на складе Эмилио в девять тридцать. Давай собирайся, я жду в машине.

Ага, понятно... – сказал Андрэ, выдохнул и поднялся с кровати. Хосе хлопнул его по плечу, развернулся и не спеша удалился.

Помещение, в котором проживал Шоу, представляло собой просторную комнату с отдельным санузлом, выполненную в винтажном стиле. Она находилась на втором этаже гостевого дома, расположенного неподалеку от особняка Осорио. Все здесь напоминало о какой-то давно забытой натуральности. Деревянная мебель, украшенные стены, простенькие светильники, постельное белье с допотопными узорами. Комната скорее напоминала капсулу времени или какой-то музей, а не жилое помещение.

Андрэ зашел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Истощенные мышцы хоть и слегка восстановились с момента поездки в контейнере, но до сих пор оставались в посредственной форме. Даже перед зеркалом он сутулился. Лицо впало, под глазными имплантами появились темные мешки, легкая щетина превратилась в неряшливую бороду.

«М-да... Надо что-то с собой делать...» – с ленивым отвращением подумал Андрэ и умылся.

Через несколько минут утренние процедуры закончились и Шоу вернулся в комнату, чтобы одеться. Он стал медленно собирать разбросанные по полу и мебели вещи. Черная фут-

болка с удлиненным рукавом и охлаждающей подкладкой, какие-то синтетические штаны и облегченные военные сапоги. Посмотрел на часы: 06:50. Есть время спокойно покурить...

Он вышел из комнаты. Солнце понемногу приподнялось из-за горизонта, и первые его лучи попали на деревянную лестницу, ведущую из комнаты Андрэ на первый этаж. Шоу, скрипя ступеньками, в темпе спустился вниз и вышел на улицу. Весеннее мексиканское утро встретило 30-градусной жарой, вперемешку с еще не высохшей свежестью растительности.

Где-то в пятидесяти метрах от крыльца стояло два внедорожника, а еще подальше грузовик и бронированный багги. Хосе стоял на улице и махал руками, отдавая ценные указания. Шоу равнодушно посмотрел на своего нового старого товарища, всунул сигарету в зубы и сел на лавку у двери, затянувшись утренней порцией никотина. Дым настойчиво ударил по легким. «Хоть что-то в этом мире никогда не меняется», – подумал Андрэ и оперся спиной о стенку здания.

Сигарета медленно закончилась. Андрэ нехотя поднялся, сплюнул на землю и поковылял к машинам.

Выдвигаемся! – крикнул Хосе, постучал по двери багажника машины сопровождения и сел на заднее место за водителем. Андрэ резко дерганул дверь джипа и приземлился рядом с наследником семьи Осорио.

Колонна под легкий гул электродвигателей и шелест колес двинулась в сторону главного КПП поместья. Хосе включил громкую связь и настроил волну для связи со всеми членами группы. Помимо Шоу и Осорио в машине также были водитель и правая рука Хосе – Карлос, с ног до головы аугментированный мужчина лет тридцати пяти.

Карлос был молчаливой тенью, воплощением эффективности клана Осорио. Его левый глаз заменял оптический сенсор, который беззвучно скользил, сканируя местность. Под тонкой белой рубашкой угадывались контуры усиленного эндоскелета. Его кибернетика была не для красоты и статуса, как в самых модных районах мировых столиц, а для настоящей войны. Старая, американская, военная модель, отремонтированная и перепрошитая десятки раз. Он не произнес ни слова с момента их встречи, лишь коротко кивнув Шоу.

Машины миновали КПП и выкатились на пыльную дорогу, ведущую прочь от ухоженных агавовых полей. Порядок и чистота владений Осорио мгновенно сменились хаосом реальной Мексики.

Друг мой, матушка решила, что пора тебя понемногу приобщать к делам, – начал диалог Хосе. – Я с ней согласен, физически ты уже восстановился, а вот голова твоя придет в порядок только тогда, когда снова почувствует, что она кому-то нужна.

Да я в порядке, Хосе... Что от меня требуется? – смиренно ответил Андрэ.

В порядке, не в порядке – это мы чуть позже выясним. Ладно, сначала коротко задача, затем поясню почему: нам нужно сбить цену на дроны. Мы едем на побережье, на один из старых рыбных заводов Эмилио Арриэты. Он привез из России партию полицейских «Вихрь-2». Товар хороший, нам нужный. Но есть две проблемы. Первая – Эмилио. Он плут и думает, что мы дикари, которым можно продать московское железо втридорога. Его нужно немного опустить на землю.

Хосе повернулся к Андрэ, его взгляд стал серьезным.

Вторая проблема – клан Гарса. Они в последнее время совсем охуели на северных территориях. Пока ничего серьезного, но они постоянно прощупывают наши границы, устраивают мелкие стычки. Это отвлекает ресурсы. Каждый токен на счету. Я не могу позволить Арриэте наживаться на нас, пока у меня на границе пахнет порохом.

Хосе откинулся на спинку сиденья и выдержал паузу.

Поэтому ты здесь, – продолжил он и дотронулся до плеча Андрэ. – Ты десять лет варился в этой московской каше. Ты знаешь их железо, софт и менталитет. Твоя задача – найти в его товаре изъян. Любой. Технический брак, уязвимость в прошивке, несоответствие специфика-

ции. Что угодно, за что можно зацепиться и сбить цену. Просто нужно доебаться до столба, изъясняясь этим вашим московским языком. Но мне не нужно его разорять. Нам лишь нужно показать, что мы не идиоты, и сэкономить деньги для реальных дел. Это вопрос принципа. Справишься?

Справлюсь, – коротко ответил он и утвердительно кивнул.

Хосе довольно улыбнулся и отвернулся к окну. Снова наступила тишина. Мир за бронированным стеклом внедорожника превратился в выжженную палитру из охры и ржавчины. Дорога вилась между холмами, усеянными скелетами старых американских пограничных дров, чьи обломки давно стали частью пейзажа. Иногда колонна проезжала мимо крошечных, выросших в землю деревушек. Глиняные стены деревенских халуп были покрыты спутниковыми тарелками, проводами и солнечными батареями. Пейзаж скорее напоминал абсурдную иллюстрацию карго-культа, смешанного с безнадежностью.

Серпантин. Поворот. Извилистая дорога. Колонна двигалась вдоль этих пейзажей уже около часа. Шоу задумчиво смотрел в окно и пытался остановить бесконечный поток едких мыслей. Автомобиль забрался в горку, выехал на пыльный перекресток и повернул налево. Андрэ взгляделся в окно: в десяти метрах от дороги, что осталась позади, стоял алтарь, посвященный Santa Muerte, где вместо свечей горели светодиодные элементы, а в качестве подношения лежали не цветы, а пустые батареи и старые чипы.

Это был мир, который выживал, как мог, переваривая и присваивая обломки рухнувшей цивилизации.

Тебе бы поспать нормально, а не с демонами воевать каждую ночь, – вдруг нарушил молчание Хосе, не отрывая взгляда от дороги впереди. – Я думал, ты в Москве привык к шуму и стрессу.

Я привык к другому шуму, – хрипло ответил Шоу, глядя в окно. – Там гудят машины и кричат люди. А здесь... Здесь гудит в голове.

Карлос, сидевший на переднем сиденье, коротко хмыкнул.

В горах всегда так. Слишком тихо. Начинаешь слышать то, чего не должен, дружище.

Хосе кинул на него быстрый взгляд, и Карлос снова замолчал.

Ты говорил с Дианой? – сменил тему Хосе.

Шоу на секунду замер, затем медленно кивнул. Образ сестры из кошмара отступил, сменившись реальным воспоминанием.

Да. Говорил вчера. У нее все... в порядке. Насколько это возможно.

Он достал сигарету, но не прикурил, просто стал вертеть ее в пальцах.

Я виделся с ней две недели назад. Привез немного денег, продуктов. Она живет в старом районе, недалеко от побережья. Снимает комнату. Работает в небольшой юридической конторе, занимается корпоративными спорами.

Она сильная, – сказал Хосе и повернул голову в сторону товарища.

Она не должна быть сильной, – отрезал Шоу, и в его голосе прорезался металл. – Она должна была учиться, жить нормально, а не выживать. Я... – он запнулся, – я хочу на следующей неделе взять пару выходных. Съездить к ней. Посмотреть на наш старый дом. Тот, где мы жили до... До всего. Черт побери... Как давно же это все было...

Хосе понимающе кивнул.

Давай, тебе это точно пойдет на пользу. Поговорим сегодня вечером об этом.

Шоу наконец поднес сигарету к губам. Чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся.

Спасибо, Хосе... Съезжу...

Наследник Осорио откинулся в кресле назад и повернулся к окну. Тишина в салоне стала плотной, каждый думал о своем. Хосе – о том, как из огненного парня, которого он помнил со школы, его друг превратился в выжженный уголь. Андрэ – о том, что возвращаться в прошлое, возможно, еще больше, чем не иметь будущего.

Машина проехала мимо высохшего русла реки, где на склоне, как гигантские надгробия, стояли заброшенные гелиостанции. Их панели, покрытые слоем пыли, были повернуты к солнцу, словно в вечной, бессмысленной молитве.

Впереди, в мареве раскаленного воздуха, замаячила одинокая фигура, бредущая по обочине. По мере приближения стало ясно, что это бот. Но какой-то до смешного неуместный в этой глуши.

Это был белоснежный робот-компаньон последней модели, из тех, что выгуливали породистых собак в модных парках. Гладкий, яйцевидный, с тонкими манипуляторами, он шел с упорством и запрограммированным оптимизмом по расплавляющейся от жары земле. В одном из манипуляторов он держал люксовый поводок для животного, волоча его за собой.

В пустоте. Собаки не было.

Бот делал короткие остановки, оборачивался, и из его динамиков доносились ободряющие фразы на английском с мексиканским акцентом: «Good boy, Sparky! Keep up!» Затем он подергивал пустой поводок и продолжал свой путь.

Хосе молча ткнул пальцем в окно.

Карлос, смотри.

Карлос, до этого смотревший прямо перед собой, перевел свой оптический сенсор в сторону. На секунду в салоне повисла тишина, пока он обрабатывал увиденное. Затем из его груди вырвался низкий, гортанный искренний хохот.

Put a madre... – выдавил он сквозь смех. – Он этого неуловимого койота уже года два выгуливает, наверное.

Хосе тоже рассмеялся, качая головой.

Он посмотрел на Андрэ, ожидая увидеть хотя бы тень улыбки.

Но Шоу даже не повернулся. Его взгляд был все так же устремлен в окно, в выжженную пустоту.

Хосе вздохнул, его улыбка исчезла. Смех Карлоса тоже стих.

Колонна миновала старый разрушенный мост и стала спускаться в долину, где воздух стал гуще и влажнее. Пейзаж начал меняться. Вместо выжженной пустыни пошли поля, разделенные на квадраты старыми ирригационными каналами. Над ними, как гигантские насекомые, медленно плыли агродроны, распыляя удобрения. Впереди, в мареве раскаленного воздуха, уже виднелись очертания складов и массивной ограды...

Стоило оно того? – тихо спросил Хосе. – Эта Москва. Десять лет.

Дым медленно вырвался изо рта Шоу. Он смотрел на пролетающие мимо ржавые летательные аппараты.

Нет, – ответил он просто. – Это была ошибка. Погоня за призраком. Я думал, что строю будущее, зарабатываю на лучшую жизнь для них... А на самом деле просто бежал. От себя, дома и ответственности. Да от всего на свете... Я думал, что если закрою все дыры деньгами, то моя совесть будет чиста. – Он усмехнулся безрадостной, кривой усмешкой. – А в итоге что? Я приехал сюда сломанным, в контейнере, как псина, с деньгами, которые пахнут кровью и дерьмом... – Шоу запнулся, закрыл глаза и сжал кулак. – За эти десять лет я пропустил все. Пропустил, как росла Диана. Пропустил, как угасала мама. Я просто проебал все, Хосе. Всю свою жизнь. И теперь пытаюсь понять, смогу ли я хотя бы начать собирать ее осколки.

Хосе выдержал значительную паузу и посмотрел на дорогу. Затем повернул голову к Андрэ.

Проебал? – сказал он без злости. – Посмотри вокруг, брат. Тут все всё проебали еще в шестидесятом. Целые страны, блять, утонули. А ты жив. У тебя есть деньги, которые решают проблемы. У тебя есть сестра, ради которой есть смысл дышать. Это опыт, а не осколки, cabrón.

Шоу покачал головой, не соглашаясь.

Есть вещи похуже, чем утонувшие города.

Например?

Например, оставить своего друга гнить заживо, – выплюнул Андрэ, и его лицо исказилось. – А этот рыжий ублюдок... Кори... Он же сам выбрал свой путь. Вечно ныл, вечно на игле. Ебучий наркоман, который утопился в жалости к самому себе, потому что реальный мир оказался для него слишком сложным...

Он замолчал, сжав челюсти так, что еще немного и зубы бы треснули.

Нет... Херню какую-то несу, – Андрэ ударил кулаком по своему колену. – Это я. Я его там оставил. Он был просто в уязвимом состоянии. Не понимал, что происходит. Ему нужна была просто помощь... А я что? Я развернулся и ушел. Я должен был его силой, блять, вытащить. Привязать к кровати, сломать ему ноги, но вытащить из этого дерьма. А я просто... Сбежал. Снова. Оставил его там одного. Теперь это еще один призрак, который будет ходить за мной до самой смерти.

Хосе долго смотрел на него. В его взгляде было лишь жесткое, почти братское понимание.

Ты не можешь спасти того, кто не хочет спасаться сам, – сказал он наконец. – Ты мог сломать ему ноги, но он нашел бы способ вколоть себе свою дрянь хоть в глазное яблоко. Знаешь, брат... Моя мать научила меня одной вещи: ты можешь дать человеку оружие, но ты не можешь заставить его сражаться. Запомни это.

Хосе отвернулся обратно к дороге. Карлос, сидевший впереди, бросил на Шоу короткий, почти незаметный взгляд через зеркало заднего вида. В его оптическом сенсоре не было ничего, кроме холодного отражения дороги.

Колонна свернула с основной трассы на едва заметный съезд, который вел к комплексу зданий, замаскированных под заброшенный рыбоконсервный завод. Воздух наполнился запахом соли, рыбы и машинного масла.

Все. Приехали. Собирайся, работаем. Хватит жрать себя. Мертвым это не поможет, а живым – мешает.

Внедорожник медленно въехал на территорию, окруженную высоким забором из рифленого металла, и встал рядом с машиной сопровождения. Затем припарковался грузовик. Бронированный багги встал напротив, чтобы контролировать пространство.

У ворот их уже ждал Эмилио Арриэта, одетый в дорогой костюм из натурального льна, на его ногах блестели ботинки из экзотической кожи. Он стоял, скрестив руки на груди, и с самодовольной улыбкой смотрел на подъезжающие машины.

Выходим! Карлос, командуй парнями! Андрэ, ты со мной будь, – скомандовал Хосе.

Дверь внедорожника открылась. Осорио вышел первым, уверенно, как человек, ступивший на свою землю. За ним, медленнее, будто выныривая из глубокой воды, показался Шоу. Он на секунду зажмурился от яркого солнца, его ссутулившаяся фигура и уставшее стоическое безразличное лицо резко контрастировали с подтянутым и энергичным Хосе. Карлос вышел на середину двора и начал показывать командные жесты бойцам Осорио.

Хосе! – крикнул Эмилио, широко раскинув руки и направляясь к ним. – Рад видеть тебя в моем скромном уголке! Дорога не утомила?

Он подошел и крепко пожал руку Хосе. Затем его взгляд переместился на Шоу. Улыбка на мгновение стала чуть более натянутой.

Андрэ! Совсем другой человек! Родное солнце идет тебе на пользу, друг. Выглядишь... Отдохнувшим.

Шоу молча кивнул в ответ, не протягивая руки. Он чувствовал на себе оценивающий взгляд Эмилио, и в нем не было никакой дружбы. Скорее любопытство стервятника, изучающего недобитую жертву, которая почему-то выжила и сейчас может доставить лишних проблем.

Ладно, Эмилио, хватит болтать, времени у нас сегодня очень мало, а дел очень много. Показывай товар, – отрезал формальности Хосе.

Конечно, конечно, пойдёмте на склад, – усмехнулся Арриэта и махнул рукой в сторону ангаров в десяти метрах.

Люди Осорио вслед за своим начальником двинулись в сторону амбарных дверей. Помещение было среднего размера, ровно чтобы поместилось несколько сорокафутовых контейнеров, слегка захламлено и с высоким потолком. Пахло озоном и машинным маслом. Посередине стояло шестнадцать вскрытых ящиков. В каждом по дрону.

Все готово. Лучший товар, прямым из Москвы. Как и договаривались, – подошел к одному из ящиков Эмилио и горделиво козырнул.

Внутри, в специальных амортизирующих ложементах, покоились полицейские дроны «Вихрь-2». Матово-черные, с хищными очертаниями и сложенными манипуляторами, они выглядели как стая спящих механических динозавров.

Андрэ отошел в сторону и прислонился к холодной бетонной стене, скрестив руки на груди. Встал молча, просто наблюдая. Его фигура в полумраке склада казалась частью интерьера. Словно тень.

Впечатляет, – сказал Хосе, медленно приблизившись к ящику. – Дорога из Москвы была чистой?

Как слеза младенца, Дон Хосе, – самодовольно ответил Эмилио, доставая из кармана дорогие сигары. – Мои люди знают свое дело. Русские сейчас грызутся сами с собой после этой истории с Чековским, им не до контроля над старым барахлом. Идеальное окно.

Он протянул сигару Хосе, тот взял.

Ты уверен в качестве? Нам нужно, чтобы они летали и шмаляли по врагам как надо.

Можешь не сомневаться. Списаны с баланса МВД, но железо у них вечное. Прошивка полная, не урезанная. Я лично курировал.

Техник из людей Осорио, невысокий парень с нейроинтерфейсом на виске, уже стоял у открытого контейнера с диагностическим планшетом.

Начинай, – скомандовал Хосе.

Техник кивнул и начал подключаться к одному из дронов. Эмилио раскурил свою сигару, выпустив в воздух густое облако ароматного дыма. Он повернулся к Шоу, который все так же молча стоял у стены.

А ты чего молчишь, Андрэ? Не нравится мексиканский сервис? В «Госводороде» небось все было по-другому?

Шоу медленно перевел на него взгляд. В его глазах была лишь холодная, тяжелая усталость.

Мне не очень хочется вспоминать, как там было в «Госводороде»... – тяжело ответил Андрэ.

Оставь его, Эмилио, – вмешался Хосе. – Он здесь не для болтовни.

В этот момент дрон в контейнере поднялся в воздух, зависнув на высоте двух метров. Загорелись синие оптические сенсоры. Техник Осорио начал гонять базовые тесты, выводя данные на планшет.

Маневренность в норме... Отклик системы – 0,2 секунды... Состояние батареи – 98%... Заряжали два дня назад, – комментировал он. – Все чисто, хефе. Машины рабочие. Соответствуют спецификации. Осталось проверить вооружение.

Хорошо, – кивнул Хосе. – Выводите его на улицу. Посмотрим, че эта штукавина умеет исполнять.

Двое бойцов Эмилио и техник Осорио аккуратно выкатили платформу с дроном из противоположных дверей ангара на площадку внутреннего двора. Воздух снаружи был как раскаленная печь. В 40 метрах от них, у бетонной стенки, виднелся ржавый остов старого полицейского броневика, который, видимо, использовали как мишень.

Хосе, Эмилио и Шоу вышли следом. Хосе забрал у своего техника планшет управления.

Какие модули на борту? – спросил он Эмилио.

Стандартный полицейский набор для подавления бунтов, – ухмыльнулся Арриэрта. – Распылитель газа, десять зарядов шоковой пушки, ну и, конечно же, скорострельный пулемет калибра 8,38 с бронебойными для уничтожения роботизированной техники.

Посмотрим, – коротко бросил Хосе. Он выбрал на планшете нужный модуль, и из-под брюха дрона плавно выдвинулся компактный ствол огнестрельного оружия.

Хосе прищурился, наводя прицел на остов броневика. На секунду в воздухе повисла тишина. Затем он нажал на спуск.

Тишину разорвал сухой, яростный треск. Стокилограммовый дрон стал бешено выплевывать очереди свинца. Пули кромсали ржавый металл, высекая снопы искр и оставляя в корпусе броневика дыры размером с кулак. За полторы секунды боковая дверь машины превратилась в решето.

Хосе отпустил гашетку. В воздухе повис запах пороха и раскаленного металла. Он посмотрел на результат с холодным удовлетворением.

Что ж, неплохо... – сказал он. – Для «полицейской» модели. Думаю, газ и шокер нам не особо понадобятся.

Эмилио самодовольно улыбнулся и посмотрел на Хосе.

Я же говорил. Лучший товар.

Хосе кивнул, а затем повернулся к Шоу.

Андрэ. Твое слово, – оценивающе спросил Хосе своего товарища, пытаясь понять, «тут» ли он вообще.

Шоу, стоящий все это время как столб, слегка очухался и включился в работу, вспоминая, зачем его сюда вообще привезли.

У этих дронов есть особенность одна... – начал он безразлично, оттолкнувшись от стенки. – Какого года производства эта партия?

Эмилио самодовольно зыркнул на Шоу, затем метнул взгляд на одного из своих бойцов внутри помещения и дернул головой.

Они седьмого года, – донеслось из ангара.

Ну считайте, что только с конвейера сошли! Им и трех лет нет еще, – все так же напыщенно проговорил Эмилио.

Шоу достал сигарету, всунул в зубы и поджег.

Понятно... Новые... Ну вот в этом-то и особенность. Выведи на экран список сетевых протоколов из ядра операционной системы, – сказал он технику.

Техник нахмурился, но, увидев кивок Хосе, начал вбивать команду. На планшете техника появилась стена из строк кода. Эмилио перестал улыбаться.

Все чисто, – ответил техник, листая лог. – Стандартные боевые протоколы, система шифрования... Есть какой-то спящий системный рудимент от московской сети, но он неактивен за пределами их юрисдикции. Мусор.

Шоу подошел к нему и посмотрел на экран.

Мусор? – тихо, почти про себя, спросил Андрэ, а затем повернулся к Хосе. – Это протокол принудительной интеграции в сеть «Спокойная Москва».

Хосе непонимающе нахмурился.

Ну и что это значит, Андрэ? – спросил он. Эмилио стоял молча.

Это значит, – продолжил Шоу, и его голос стал абсолютно механическим, ровным и равнодушным, – что в каждого этого дрона на аппаратном уровне вшит неотключаемый «выключатель». В России он нужен, чтобы любой патрульный дрон мог быть мгновенно перехвачен и подчинен центральному командованию МНБ во время чрезвычайной ситуации. В партиях этой модели до пятого года такая система работала лишь на программном уровне. С 2107-го начали делать это уже аппаратно. Короче говоря, хуй он включится, если выдрать из него этот

модуль. – Шоу сплюнул на землю и затаился. – Доводилось как-то мне с другом позаимствовать один такой дрон много лет назад... Тогда это было еще возможно. Собственно, сейчас по этой причине так сделать не получится. Вот как раз похоже, что это дроны из первых партий, где эта система реализована аппаратно.

Блестящая заметка, Андрэ, я понимаю, что ты скучаешь по Москве, но если ты не заметил, то мы в Мексике, – напряженно сказал Эмилио. – Какая нам к черту разница?

Хосе затаился сигарой и заинтересованно стал следить за беседой этих двух.

Разница в том, Эмилио, – Шоу впервые за весь день посмотрел ему прямо в глаза, – что этот протокол не нужно взламывать. Его нужно просто активировать. Если кто-нибудь – любой картель, правительство, да кто угодно – наймут одного-единственного русского спеца из какого-нибудь РКС или одаренного гения с захудалых колец с нужным портативным транслятором... Он просто нажмет кнопку, и вся эта стая ахуенно красиво покрашенных в чёрный цвет дронов в ту же секунду перестанет быть управляемой. Они просто перейдут под его контроль. Прямо в середине боя. Понятно выразился?

На улице и в амбаре повисла ледяная тишина. Было слышно только, как гудит парящий в воздухе дрон.

Эмилио замер с сигарой на полпути ко рту. Его лицо из самодовольного превратилось в маску недоумения и плохо скрываемой ярости. Он был профессионалом, проверил товар на все известные ему угрозы, выполнил доставку точно в срок, нашел самые лучшие экземпляры. Сделал все от него зависящее, чтобы наладить стабильные поставки клану Осорио.

Но он не мог знать об этой... Максимально непримечательной особенности. Об этой философии паранойи, вшитой в эти машины. Да какая вообще разница, как они подключаются к этой чертовой «Спокойной Москве»?!

Хосе медленно опустил сигару. Он смотрел на Шоу.

Ты уверен?

Я десять лет прожил там на дне, – ровно ответил Андрэ. – Чтобы хоть как-то выжить, мне приходилось выкручиваться. Уж поверь, я знаю, что это за дроны и как думают русские. Они боятся своего же оружия больше, чем врагов. Мнимая безопасность – это все, о чем они думали, когда вшивали удаленный доступ аппаратно. Поверь, русское «как бы чего не случилось» – это основа их цивилизации.

Хосе замолчал. Затем он повернулся к Арриэте. Его голос был спокоен, но в нем больше не было дружеских ноток.

Эмилио. Мой советник говорит, что ты привез нам товар с критической уязвимостью.

Дон Хосе, это... Это не моя вина! – выпалил Эмилио. – Я привез то, что заказывали! У нас была четкая договоренность на шестнадцать образцов «Вихрь-2»! Вот они, перед вами! Да кто вообще додумается и сможет использовать эту уязвимость?

Клан Гарса, например, – холодно бросил Хосе. – Они в последнее время любят нанимать всякий сброд из-за океана. Ты продаешь мне товар, который может в любой момент обернуться против меня. Это некачественная работа, Эмилио. Риск! А я за риски не плачу.

Он развернулся, бросил сигару в угол, затем посмотрел на Шоу и махнул рукой, указывая на выход.

Мы забираем товар. Но цена будет другой. Вычтем двадцать процентов. За риск и за то, что теперь моим техникам придется ночами не спать, выясняя, можно ли вообще безопасно пользоваться этой партией. Это мое последнее слово. А ты, Эмилио, в следующий раз, когда будешь иметь дело с русскими, бери с собой консультанта, который разбирается не только в деньгах.

Я понял, дон Хосе... – растерянно ответил Эмилио. – Я сожалею, что упустил этот момент. Меньше всего мне хотелось бы вас подводить... Как я могу исправить свою ошибку?

Клан Осорио даст тебе второй шанс. Свяжемся позже и обсудим детали. Я надеюсь, ты понимаешь, что в следующий раз ошибок быть не должно, Эмилио. – Хосе пристально посмотрел ему в глаза. – На этом всё! Карлос, парни, грузим. Андрэ, поехали!

Шоу кивнул и пошел за Хосе. Он не оглядывался, но спиной чувствовал испепеляющую тяжесть взора Эмилио. Это был взгляд человека, которого только что публично унизили, выставив некомпетентным дилетантом на ровном месте. Арриэта остался стоять посреди ангара, стиснув зубы, пока его люди растерянно переглядывались.

Карлос тем временем уже отдавал короткие, четкие команды бойцам Осорио. Они начали деловито готовить ящики к погрузке в грузовик. Хосе и Андрэ забрались во внедорожник. Через десять секунд Карлос тоже сел в машину. Двери с глухим, тяжелым стуком захлопнулись, отсекая вонь улицы и раскаленного металла. Пара минут, и дроны были погружены в грузовик. Хосе глянул в зеркало заднего вида, затем хлопнул водилу по плечу. Джип тронулся.

Колонна двинулась, поднимая тучи пыли. Хосе откинулся на сиденье и громко, от души рассмеялся.

Put a madre, Андрэ! Это было красиво! – Он хлопнул Шоу по плечу. – Ты видел его лицо? Он чуть не проглотил свою сигару. «Как слеза младенца», «лучший товар»! Чертов плут! Ты срезал его, как старую агаву ха-ха-ха-хах!

Шоу не улыбнулся. Он смотрел в боковое окно на удаляющийся забор. Его усталость никуда не делась, к ней лишь добавилось знакомое московское напряжение.

Он этого не простит, Хосе, – тихо сказал Андрэ. – Мы его унизили на его же территории, перед его людьми. Такой человек опасен. Он может закусить на клан.

Хосе хмыкнул, его веселье мгновенно угасло, сменившись холодной прагматикой.

Закусить? – Осорио покачал головой. – Меньше всего на свете Эмилио Арриэта хочет упустить шанс работать с Осорио. Он проглотит это. Он приползет через неделю, будет извиняться и предлагать скидку на следующую партию. Он плут, Андрэ, а не идиот, и знает, кто здесь главный.

А если нет? – не унимался Шоу. – Если его гордость окажется сильнее жадности? Клан Гарса... Они могут воспользоваться этим. Предложить ему сделку, натравить его на нас.

Тут Хосе снова рассмеялся, но на этот раз по-другому – по-доброму, почти снисходительно.

Брат мой, ты думаешь слишком далеко. Совсем обрусел за эти десять лет. Как бы чего не вышло, да, Андрэ? – Хосе с идеальной точностью скопировал интонацию Шоу, затем стал серьезнее и добавил: – Это Мексика, а не Москва. Здесь все проще. Если змея шипит, ей отрубают голову, а не пишут на нее донос. Расслабься, – Хосе снова откинулся на спинку. – За Эмилио наблюдают. За каждым его шагом, за каждым звонком. Если он дернется не в ту сторону – мы узнаем об этом раньше, чем он успеет закончить мысль. Все будет в порядке.

Он посмотрел на Андрэ, и в его взгляде была какая-то гордость за товарища, который показал результат.

А ты... Ты сегодня доказал, что матушка в тебе не ошиблась. Нам нужен был человек, который знает, как думают эти русские, а не просто еще один ствол. Готовься, брат. Думаю, теперь мы будем привлекать тебя к делам почаще. Голова твоя нам еще пригодится. Ну а пока можешь спокойно съездить к сестре, думаю, дней десять тебе хватит.

Шоу молча кивнул. Он посмотрел на свои руки, потом снова в окно. «Как бы чего не вышло» – эта фраза въелась ему под кожу. Он уже и сам не знал, было ли это русской паранойей или просто опытом выживания в мире, где доверять нельзя никому.

Внедорожник выехал на главный тракт, оставляя позади запах металла, пыли, пороха и униженного Эмилио Арриэты.

Москва, весна 2110 года.

Кори открыл глаза. Вокруг были белые стерильные стены, освещенные мягким светом. Воздух пах легкими нотками йода и антисептиков. Дональд лежал неподвижно и пытался понять, где он находится, смотря в потолок. В голове хаотично мелькали мысли и обрывочные воспоминания. Он долго не мог собрать их в кучу и понять хоть что-то из происходящего. Затем просто снова уснул.

Через несколько часов Кори снова открыл глаза. Мысли все так же беспорядочно сновали в голове, стены по-прежнему оставались белыми, а запах йода никуда не собирался улетучиваться. Дональд попытался сконцентрироваться. Он точно понял, что все еще жив и находится в сознании, но что-то было не так. Точнее, было какое-то ощущение... Давно забытое и едва ли знакомое. «Что это такое?..» – подумал Кори.

Подниматься с кровати не хотелось, да и сил на это не было. Он просто лежал, пытаясь угадать, что не так. Наконец-то медленно пришло осознание. «Спокойствие?..» – продолжил мыслительный процесс Мак'Дугалл.

Впервые за последние десять лет не было чувства бесконечного зуда откуда-то изнутри. Не хотелось, как всегда, залить в себя побольше этила и нейросупрессантов, а затем самоуничтожиться. Лишь мутные картинки последних событий мелькали перед глазами Кори, спокойно напоминая, что он все еще жив. Дональд через силу попытался приподняться и лечь лопатками на подушку. Мышцы едва его слушались, но ему это все же удалось.

Он осмотрел свое тело: все в медицинских повязках, истощенное и в ссадинах, из вен торчали катетеры. Справа стояла капельница, а слева от койки шумели кулеры медицинской аппаратуры.

Вдруг дверь в помещение открылась и в проеме показалась фигура мужчины. Он, умиротворенно улыбаясь, медленно вошел внутрь и закрыл за собой дверь. Затем постоял секунд десять, внимательно рассматривая Кори.

Ты очнулся, брат! – сказал он и приблизился к койке. Его голос звучал одновременно и восторженно, и спокойно, и гипнотически.

Я... Наверное... Где я нахожусь, и кто ты такой? – неуверенно ответил Кори.

Меня зовут Серво, брат. Я настоятель этого храма. Мы с тобой уже знакомы... – продолжил мужчина с еще более умиротворяющей интонацией. – Расскажи, что ты помнишь о себе?

Э-э-э... – Кори задумался и протер глаза рукой. – Меня зовут Дональд... Но предпочитаю просто Кори... Твою мать... Туман какой-то в голове... Я... Я работал... Потом... Много пил. Дальше не помню ничего.

Это нормально, – кивнул Серво, будто ответ Кори был единственно верным и ожидаемым. Он придвинул стул ближе, его движения были плавными, выверенными. – Память плоти – ненадежный носитель. Она постоянно перезаписывает файлы, скрывает битые сектора, лишь бы создать иллюзию контроля. Ты сказал: «много пил». Но ты не пил, Кори, а пытался заглушить шум.

Кори недоверчиво прищурился.

Шум? Какой еще шум? И хватит называть меня «братом». Мы с тобой не братья.

Пока нет, – мягко согласился Серво. – Но станем ими. Шум твоего тела. Твоей биологии. Голод, страх, одиночество, похоть... Боль. Вся эта грязь, которую плоть транслирует каждую секунду. Тюрьма из костей и мяса постоянно кричит, требует и лжет. Да... Она постоянно лжет... А внутри этой тюрьмы заперт твой истинный, чистый сигнал. Твое сознание. – Он сделал паузу, давая словам впитаться. – Ты гений, Кори. Ты видишь структуру там, где другие видят хаос. Ты можешь взломать любую систему. Но ты так и не смог взломать свою собственную тюрьму. Поэтому ты травил ее. Заливал ядом. «Гармония», стимуляторы, алкоголь – это были лишь неуклюжие DDoS-атаки, которыми твой сигнал пытался обрушить сервер этой тюрьмы. Ты искал тишину. Ту самую тишину, которую чувствуешь прямо сейчас.

Кори замер. Весь этот поток наляпистого бреда был слишком... Точным. Этот зуд и вечная тревога, которую он глушил всем, что попадалось под руку, – это и был шум. Теперь же он исчез. Впервые.

Что вы со мной сделали? – спросил он. – Накачали какой-то новой дрянью? Где я, твою мать?!

Мы ничего тебе не давали, – спокойно ответил Серво. – Мы просто убрали помехи. Ты не болен, Кори. Ты никогда не был болен. Ты просто был слишком чувствителен к дефектному коду этого мира, к сбоям собственной плоти. Ты – тонко настроенный процессор, который пытались запустить на кривой, забагованной операционной системе. Конечно, все висло и перегревалось.

Хватит нести этот бред, – огрызнулся Кори, пытаясь сесть ровнее, но тело не слушалось. – Что. Конкретно. Со мной произошло? Где вы меня нашли?

Серво не изменился в лице и все так же методично продолжил.

Месяц назад наши братья нашли тебя на Десятом кольце. Ты лежал в сточной канаве. Твой сигнал почти покинул носитель. Плоть была в состоянии каскадного отказа. Проще говоря, ты умирал.

Кори молчал, переваривая информацию. Сточная канава... Звучало правдоподобно.

Целый месяц ты был здесь, в коме. Твое тело восстанавливалось, но это не главное. Главное – твой сигнал проходил очищение. Мы отсекали его от хаотичных импульсов плоти. Дали ему отдохнуть. Впервые за всю твою жизнь твое сознание было свободно.

И за это время вы, надо полагать, просканировали мои импланты и вытрусили все, что есть в моей памяти? – Кори ухмыльнулся, но вышло жалко.

Нам не нужно было этого делать. Ты сам все рассказывал, – мягко ответил Серво. – Когда сигнал освобождается, он говорит. Ты много говорил о своем друге. О Шоу...

При упоминании имени друга внутри что-то кольнуло. Образ Шоу, вытаскивающего его из очередного дерьма, был единственным светлым пятном из вереницы воспоминаний последних лет.

Не смей говорить о нем.

Почему? – искренне удивился Серво. – Он – часть твоего шума. Сильный, надежный. Он тащил твою плоть, латал ее. Но он никогда бы не смог понять твой сигнал. Он видел сломанную вещь, а не запертого гения. Пытался починить клетку, не понимая, что страдает узник. Он хороший человек, Кори. Но он – часть твоего старого мира. Мира плоти.

Он единственный, кто не бросил бы меня.

Но ведь он бросил, – безжалостно, но спокойно произнес Серво. – Рано или поздно плоть устает. Вот и он устал тащить твоё тело, потому что видел только лишь его. А мы увидели твой сигнал, и мы не тащили тебя. Мы освободили.

Я... Мне нужно подумать, – прохрипел Кори. Голова гудела от новой, чудовищно логичной картины мира, в центре которой был он – не слабое ничтожество, но мученик! Непонятый гений!

Думай, – легко согласился Серво, вставая. – Но только слушай не мысли, ведь они – тоже продукт плоти. Слушай тишину, она не лжет.

Серво подошел к кровати и мягко положил ладонь на лоб Кори. Тепло, исходящее от его руки, было ровным, почти неестественным.

Отдыхай, брат. Твой сигнал все еще слаб. Ему нужно набраться сил перед тем, как он научится жить без шума.

Кори хотел возразить, сказать, чтобы тот убрал руки. Но веки вдруг стали невыносимо тяжелыми. Спокойствие, которое он ощущал до этого, стало густым, как засахарившееся варенье. Оно начало заливать его сознание. Последнее, что он почувствовал, перед тем как провалиться в сон без сновидений, – это мысль, что впервые в жизни ему не нужно куда бежать.

Неделя прошла как в тумане. Дни слились в один бесконечный цикл: пробуждение в стерильной тишине, скудная, но достаточная пища, которую приносили молчаливые послушники, и долгие беседы с Серво. Кори больше не спорил. Он все больше слушал и соглашался. Каждое слово «настоятеля» было логичным, каждое объяснение било точно в цель, в самую сердцевину его многолетней боли. Мир за стенами «Приюта» стал казаться далеким, чужим, источником того самого шума, от которого он теперь был защищен. Тишина перестала быть просто отсутствием звука; она стала состоянием, к которому Кори начал стремиться. Зияющая дыра в душе понемногу стала заполняться не порциями «Гармонии», а идеями электропоклонников.

На седьмой день после пробуждения его привели в зал для коллективных медитаций. Помещение напоминало серверную, которую пытались выдать за храм. Десятки адептов в таких же серых робах сидели в позе лотоса на прохладном полимерном полу. В центре помещения, на небольшом возвышении, низко и утробно гудел сервер-алтарь, переливаясь мягким фиолетовым светом. От портов в основании черепа каждого адепта к нему тянулись тонкие, как паутина, оптоволоконные кабели. Воздух был холодным и пах озоном, как после грозы.

Кори сел на указанное ему место. Он оглядел остальных собравшихся. Пустые, безмятежные лица. В голове у Дональда проскользнула какая-то мысленная неприязнь к окружающим его адептам сетевого культа. Он хотел было подумать, что все они идиоты с промытыми мозгами, но что-то новое в его сознании резко отбросило эту мысль в самый дальний угол черепной коробки. На мгновение Кори даже стало стыдно за свои деструктивные брожения в голове.

К нему подошли Серво и молодая сестра-техник с диагностическим планшетом. Ее звали Лия, и глаза ее были такими же спокойными и пустыми, как у остальных.

Готов ли новый брат к первой интеграции? – спросил Серво, глядя не на Кори, а на Лию.

Жизненные показатели стабильны. Нейронная активность в пределах нормы покоя, – отчеканила она, сверяясь с планшетом.

Кори испытывал легкое смущение, отвержение и одновременно запретное влечение к культу каждый раз, когда слышал слово «брат». Будто это было чем-то диким и экзотическим. Чем-то, чего недопонятому гению всегда не хватало.

Начинай, – сказал Серво Лие. – Мягкая инициация. Не спугни сигнал.

Лия кивнула и взяла коннектор.

Не бойся шума, – прошептала она. – Он просто хочет, чтобы его упорядочили.

В голове раздался щелчок.

Никакого удара. Сначала был просто тихий гул, который рос, заполняя тишину в голове. Потом пришло ощущение присутствия. Десятки чужих сознаний, коснувшихся его собственного. Это было похоже на то, как если бы он зашел в переполненную комнату, где все молчат, но он каким-то образом слышит мысли всех присутствующих.

На удивление, мысли были жалкими.

Он почувствовал застарелую тревогу работяги из-за неуплаты кредита – она ощущалась как навязчивый, низкочастотный фон. Почувствовал липкую, примитивную похоть подростка, разглядывающего Лию, – она вспыхивала короткими, грязными образами. Почувствовал паранойю старухи, уверенной, что ее воспоминания стирают. Все это было гниющим болотом чужих неврозов. Постепенно коллективное бессознательное стало принимать визуальные формы, похожие на цветные угловатые геометрические узоры. Какие-то были серыми, какие-то грязными, а какие-то почти прозрачными.

«Отлично. Массовый делирий. Чего еще я ожидал?» – прошептал его внутренний циник.

Спустя несколько минут, по крайней мере так казалось, поверх этого болотного гула стал медленно напоздать другой слой. Чистый, спокойный и могущественный. Края периферического зрения стали окрашиваться в бирюзовый оттенок, а все другие геометрические фигуры стали зеленеть. Кори интуитивно сразу понял, что происходит.

Это был голос МЫ. От него не исходило никаких звуков и образов, но транслировалось состояние. «Это шум плоти. Он не важен. Он – помеха. Слушай тишину за ним. Будь тишиной», – стали прорезаться мысли в голове у Дональда. Спустя еще несколько минут голос коллективного МЫ стал будто бы ландшафтом, на фоне которого мысли отдельных участников ритуала стали звучать громче.

Кори попытался отгородиться. Инстинктивно начал выстраивать ментальные барьеры, как привык делать в сети. Но чужие мысли просачивались, пачкали его сознание. Он чувствовал их липкий стыд, их скуку, их мелкие обиды. Это было омерзительно.

Именно в этот момент его внимание зацепила одна деталь. Тревога работяги. Что-то в ней было до боли знакомым. Ее пульсация не просто хаотично мерцала, как у всех остальных, она была заиклена. Простой, до идиотизма примитивный цикл «ЕСЛИ неопределенность, ТОГДА запустить тревогу», – сформировался образ-объяснение у хакера. Снова, и снова, и снова. Бесконечный круг. Этот грязный, неэффективный мыслительный код раздражал Кори почти физически.

«Перестань, – подумал Кори, обращаясь не к работяге, а к самому циклу. – Просто остановись».

Он не знал, как взаимодействовать с сетью сознания. В ней не было ни интерфейса, ни мануалов. Физический дискомфорт от чужих заглочивших мыслей усиливался, сжимая внутренние органы. Вдруг ландшафт коллективного МЫ стал вибрировать и раздалась оглушительная реплика. «Слушай тишину. Верь сети. Верь...»

Дональд на секунду остановил мыслительный процесс и успокоился. Затем попытался понять смысл услышанных слов. В голове стало складываться понимание сетевого устройства. Нужно было лишь поверить... Дональд стал представлять сломанный цикл работяги, затем нашел в нем уязвимость и мысленно вставил одну-единственную команду: «ОСТАНОВИТЬ».

Цикл оборвался. На том конце «провода» сознание работяги с облегчением выдохнуло. Кори почувствовал это как волну благодарности. Уголки периферического зрения стали принимать лиловый окрас, а угловатые геометрические фигуры превращаться в неидеальные, помятые шары.

Это было... Приятно, но недостаточно.

Он осторожно потянулся к другому источнику «шума». Паранойя старухи. Тоже цикл, только сложнее. Цепочка ложных ассоциаций. Здесь нужно было действовать осторожнее. Он перенаправил трафик ее сознания и создал «заглушку», которая возвращала на ее параноидальные запросы ответ: «Все в порядке, угрозы нет». Ее беспокойство утихло, сменившись дремотной пустотой.

Коллективное МЫ опять перекрасилось. На этот раз в уже более желтый, солнечный оттенок. Фигуры стали понемногу растворяться в общем фоне.

Кори стал входить во вкус. Он занимался отладкой сети на интуитивном уровне. Дефрагментировал чужие души. С каждым исправленным «багом» общий гул становился чище. Боль и раздражение в его собственной голове утихали. Он наводил порядок не из просветления, а из отчаянного желания, чтобы этот ментальный скрежет наконец прекратился.

Когда сеанс закончился и коннектор с тихим щелчком отсоединился, Кори рухнул на пол, тяжело дыша. Сил не осталось, но впервые за многие годы усталость сопровождалась удовлетворением. Мрачное, тяжелое удовлетворение специалиста, который только что в одиночку оптимизировал работу целой нейросети.

Он посмотрел на других адептов. Их лица были безмятежны. Стало понятно, что они просто пассивно плавали в этом океане мыслей.

Серво и Лия стояли у сервера-алтаря и смотрели на планшет.

Пророк... – Голос Лии был напряженным. – Всплеск аномальный. Когерентность всего узла выросла на двенадцать процентов за время сеанса. Мы видим такое впервые от новичка. Он... Он... Администрирует!

Серво медленно кивнул, будто ждал именно этого.

Я же говорил. Он – гармонизатор. Центральный узел будет доволен. Продолжайте ассимиляцию нового брата. Доложим в конце недели предварительные результаты. Полный отчет через месяц.

Он подошел к Кори, который все еще сидел на полу, пытаясь прийти в себя. Серво встал рядом.

Добро пожаловать домой, Гармонизатор, – тихо сказал он.

Кори впервые в жизни не нашел в себе сил или желания для сарказма, просто смиренно кивнул.

Москва, 17 июля 2110 года.

Помещение склада находилось в отдаленных промышленных зонах северо-восточной части Десятого кольца Москвы. Оно располагалось в глубине стеклобетонных гор, скрытое от глаз непосвященных зевак и полиции. Формально никаким «складом» оно, конечно же, не было, так как располагалось на полностью выкупленном втором этаже жилой мегабашни. По проекту здания здесь должно было располагаться порядка шестидесяти «квартир». На деле же все жилые помещения были заселены мертвыми душами, а стенки между ними снесены, что образовывало огромное помещение, пригодное для размещения целого криминального штаба, которого формально не существовало на карте Москвы.

Здесь, в забытой богом и федеральным правительством зоне отчуждения, концентрировались самые яркие элементы маргинальной части общества: мелкие бандиты, наркоманы, киберфрики, лица без души и надежды, и, конечно же, уважаемые члены организованных преступных группировок. В целом создавалась парадоксальная ситуация – несмотря на повсеместное внедрение систем слежки за населением, технологий контроля, полную автоматизацию выявления паттернов поведения подозрительных личностей и прочие антиутопические приблуды, тотальная разруха и гипертрофированная урбанизация «ущербных колец» Москвы приводили к тому, что спрятаться в гигаполисе будущего становилось проще, чем когда-либо. Особенно если у желающего скрыться хватало духу проводить время в компании таких же отчаявшихся людей из числа «донного планктона». Этим же свойством «города-дихотомии» умело пользовались представители криминального мира Москвы, чья власть, начиная уже с Седьмого кольца, была значительно больше, чем было принято вещать народу по официальным каналам информации.

Знало ли правительство о таком положении дел на окраинах? Конечно же, знало. Собиралось ли оно бороться с этим? Конечно же, нет. Ведь сама концепция устройства Москвы в сути своей не подразумевала равномерное распределение дефицитных благ на всё выжившее после Второго потопа население России. Более того, борьба с мафией крайних колец привела бы к тому, что преступность на окраинах кратно возросла. Наличие же организованных группировок сдерживало бедные кольца от полного погружения в анархию, создавая некий уродливый симбиоз власти и преступности.

Да и бюджетов на производство армий военных дронов для вычищения скверны с крайних колец, естественно, не было...

Сама мегабашня со складом была окружена такими же невзрачными бетонными изваяниями, построенными по унифицированному типовому проекту. Вокруг валялись горы мусора, которые, казалось, не исчезали никогда. Рядом имитировали работу сервисные боты. По ули-

цам бездумно шагали обреченные узники Десятого кольца и ездили разваливающиеся колымаги.

Машина Катермана медленно заехала на подземную парковку мегабашни и припарковалась рядом с лестничной клеткой. За рулем сидел сам владелец авто, а на пассажирском располагался Чейз. Часы на приборной панели показывали «17:21; 17.07.10».

– В общем, задача следующая... – начал Даниил назидательным тоном. – Внимательно слушаешь, тупых вопросов не задаешь, свой характер никому раньше времени не показываешь. Здесь собираются не самые последние люди, то есть всякой швали и рядовых шестерок тут нет. Многие будут очень негативно относиться к тому, что тебя допустят до внутренних дел так быстро, скажем, «по благу». Если будут провоцировать – не вздумай вестись, никто беспределом тут заниматься не будет, но укусить могут. Это понятно?

– Предельно... – нехотя ответил Чейз, сдержавшись от капризного тона.

– Сегодня познакомишься с одним солидным персонажем, пойдешь выполнять долг своего рода оруженосца. Как столб стоять не будешь, он, что очень вероятно, захочет тебя как-нибудь проверить. Одному богу известно, что он придумает. Совет один: не очкуй и не давай себя в обиду, но и не вздумай задание запороть. В общем, нужно проявить и интеллект, и дух. Справишься. Я в твои способности верю. Вопросы есть по существу?

– Отсутствуют, я готов, – коротко бросил Чейз и покосился на дверь.

– Ну, я смотрю, тебе уже нейдет. Пошли тогда, – спокойно скомандовал Катерман, выключил двигатель авто и вылез наружу.

Парочка двинулась в сторону лестницы. Даниил подошел к двери, ввел пин-код и пропустил вперед Чейза. На удивление, внутренности бетонной клетки были довольно чистыми. Мужчины медленно поднялись на второй этаж и вышли в коридор. Их встретило бесчисленное множество дверей, имитирующих наличие квартир. Катерман подошел к одной из них и постучал. Через несколько секунд по ту сторону кто-то громко и многострадально ухнул, выдержал паузу, а затем раздался звук открывающихся замков.

В дверном проеме стояла жирная бородатая туша среднего роста, на шее у которой висел навороченный пистолет-пулемет. Он уважительно поздоровался с Катерманом, бросил долгий оценивающий взгляд на Чейза и жестом пригласил их войти. Даниил зашел первым, Роберт, выпрямив осанку, медленно проследовал за ним.

«Склад» был полон каких-то коробок, металлических ящиков, перегородок и прочего очень нужного хлама. Здесь также были импровизированные комнаты и рабочие места. Атмосфера скорее походила на партизанский военный штаб. Кто-то крутил отверткой в руке бота, кто-то усердно пялился в монитор, выискивая ошибки в коде. В дальнем углу на диванах сидела кучка головорезов с игральными картами в руках. Катерман вышел в центр помещения и громко произнес:

– Господа, хочу представить вам нашего нового бойца! – начал он с присущей ему театральностью. – Чейз! В простонародье просто Роберт. Возможно, его лицо покажется вам знакомым, и ведь это не просто так. Чейз в прошлой жизни был огромной шишкой в «Госводороде», затем судьба пустила его жизнь по наклонной, и он оказался вместе с нами здесь, в дерьме.

Катерман галантно махнул рукой. Все находящиеся в помещении отложили свои дела и внимательно уставились на Чековского.

– Хочу вам сразу сказать, что наш новый боец – вполне себе боеспособная единица, способная на зверства, несмотря на свое высокое происхождение и блестящее образование! Его навыки и знания нам очень пригодятся, уж поверьте мне. Просьба ко всем оказать радушный прием и показать, где тут что есть и кто за что ответственен. Но! – Даниил выразительно поднял палец вверх и выдержал паузу. – Чуть позже. Сейчас нас ждут дела.

– Здравствуйте. Буду рад познакомиться со всеми после, – громко сказал Роберт.

Мордовороты стали разрозненно озвучивать слова приветствия: кто-то искренне, кто-то с усмешкой, а кто-то просто для галочки и из уважения к Катерману. Даниил осмотрел всех присутствующих, затем глянул на Чейза и мотнул головой в сторону двери комнаты в противоположном углу. Оба двинулись к ней, обходя ящики, столы и верстаки.

Катерман подошел к проему, постучал в дверь и открыл ее. Чейз встал рядом. Из помещения сразу повалил аромат сигар, натурального виски и какого-то химозного диффузора. По центру стоял деревянный рабочий стол и кожаное кресло, в котором вальяжно сидел гладковыбритый, слегка седой мужчина пятидесяти лет. Его солидный вид, приличная одежда и образ сразу давали понять, что этим «складом» руководит он, и, возможно, не только им одним. Слева от него на диване, закинув ногу на ногу, развалился еще один мужик за пятьдесят – высокий и худощавый, с короткой стрижкой почти под ноль. На правой руке были неряшливые татуировки, сделанные вручную неумелым мастером, напоминавшие скорее олдскульные тюремные наколки. Левая рука была полностью заменена на кастомный поцарапанный во всех местах имплант.

– О-о-о-о! Даниил, ну наконец-то. Заходи-заходи, показывай, кого ты к нам привел, – радушно поприветствовал гостей мужчина в кресле.

– Сергей Васильевич, приветствую! Не с пустыми руками явился! – Катерман жестом подозвал Чейза, закрыл за собой дверь и подошел пожать руку «руководителю» в кресле, а затем мужчине на диване. – Вот, знакомьтесь: Роберт Чековский собственной персоной.

– Здравствуйте, – спокойно поздоровался Роберт.

Мужчина поднялся с кресла, подошел к Чековскому, протянул руку и крепко пожал, пристально смотря в глаза. Роберт спокойно перенес взгляд криминального босса, на его лице не дернулся ни один мускул.

– Ну что ж, Роберт, живую ты выглядишь куда более человечно, чем на экране, – продолжая сжимать механическую руку Чековского, сказал мужчина. – Меня зовут Сергей Васильевич, в нашей организации я занимаю роль своего рода заместителя нашего главного в северных районах Москвы. Вот это всё вокруг – наш местный штаб. Знакомься, это Капкан, он какое-то время будет за тобой присматривать и учить уму-разуму, не всё ж Даниилу с тобой возиться.

– Всё понял, приятно познакомиться, – ответил Чейз и посмотрел на своего нового «наставника».

Капкан медленно кивнул головой, не вставая с дивана. Его рыбы серые глаза не излучали никаких эмоций, кроме могильного холода и какого-то равнодушия ко всему происходящему.

– Ну, ты таких поспешных выводов не делай, ха-ха-ха! – сострил Сергей Васильевич. – Про Капкана много что можно сказать, но только не то, что он приятный.

– Серега, ты сильно молодого-то не пугай, не покусая я его, – впервые сказал что-то «наставник». Его голос звучал хрипло, низко и слегка быдловато, полностью соответствуя внешнему виду.

– Ладно, времени сегодня мало. Капкан, займись Чейзом, нам с Даниилом нужно поговорить, – скомандовал Сергей Васильевич и направился к своему креслу. – Роберт, мы с тобой лично поговорим чуть позже на неделе. Давайте, за работу.

– Пошли, – медленно поднялся Капкан, мотнул головой и вышел из комнаты. Чейз последовал за ним.

Они прошли мимо всех ящиков и верстаков к выходу. Капкан махнул рукой кучке головорезов на диванах в углу и подошел к двери. Те, увидев, что Чейз идет за ним, начали тихо смеяться и ехидно улыбаться. Через минуту, пройдя все кордоны, они снова оказались на подземной парковке.

– На, лови, поведешь, – Капкан резко кинул Роберту ключ-карту от машины. Чейз растерялся, но в последний момент успел поймать. – Только я забыл, где тачка стоит. Нужно тебе ее найти...

Чейз с легким раздражением глянул на своего наставника. «Мудак тот еще», – подумал он про себя, а затем глянул на ключ-карту. Надпись гласила, что нужно было искать старый российский среднеразмерный седан «Максима». Роберт включил на глазных имплантах компьютерное сканирование помещения и огляделся. В дальнем углу парковки торчал грязный нос колымаги.

– Он? – спросил Чековский, тыча пальцем на достояние отечественного автопрома.

– Не помню, сходи проверь, – надменно ответил Капкан.

Роберту моментально стало понятно, что имел в виду Катерман, когда рекомендовал держать себя в руках и думать о задании. Он молча развернулся и пошагал в сторону машины. Выдавшая виды серая «Максима» скромно стояла в углу, грязная и с заметными следами износа. Чейз подошел к машине, приложил карту, и дверь открылась. Затем сел на водительское сиденье, запустил двигатель, перевел авто в режим ручной езды и вывернул колеса. Ведро со скрипом сдвинулось с места и подъехало к кутившему на подземной парковке Капкану. Не туша сигарету, он открыл дверь и сел на переднее пассажирское.

– Поехали похаваем. Выезжай и давай на Седьмое по большой дороге, нехуй тут ловить, – прохрипел Капкан и открыл окно.

Чейз молча выехал с парковки и остановился. – У тебя предпочтения по еде есть? Куда-то конкретно едем?

– Давай, короче, в «Оазис», который на Третьей Мытищинской, туда поедем, – буркнул пассажир и включил видеоагрегатор новостей.

Из динамиков начала доноситься «очень умная» аналитика событий внутренней и внешней политики от очередной ИИ-модели. Чейз настроил карту и попытался включить автопилот. «Функция недоступна, обратитесь в технический сервис», – выдало табло. Капкан молча глядел в окно, делая вид, что ничего не замечает. «Ну пиздец... Это тест того, какой я херовый водитель», – подумал Роберт и нехотя приблизил карту. Путь лежал через множество улиц московских гетто, развязок и Первую автомобильную артерию, движение по которой на «Максиме» без автопилота было серьезным испытанием для человека, который всю жизнь летал на авиамобилях и ездил в охраняемых кортежах. Собравшись с мыслями, Чейз надавил на педаль акселератора и выкатился на проезжую часть, нервно держа руль. Следующие десять минут прошли молча: Капкан курил четвертую подряд сигарету, поглядывая на дорогу, а Чековский крепко сжимал руль, пытаясь не влететь в отбойник.

– М-да-а, вот она жизнь: Роберт Чековский, сын самого Владимира Чековского, везет меня откусывать блюд с Седьмого кольца за рулём гнилого таза. Кому скажешь – не поверят, ха! – решил начать диалог Капкан. – Роберт Владимирович, как там тебя в народе кличут? Чез?

– Чейз, – с медленной, пассивной агрессией проговорил Чековский. – С детства приклеилось. А у тебя-то имя есть?

– А чем ты слушал? Капкан меня зовут.

– Это в роддоме тебе погоняло такое приклеили?

– О-хо-хо! Смотрю, у золотого мальчика и зубки есть. Ну хорошо. Матушка меня Иваном назвала. У пахана фамилия была Кукса. Иваном разрешаю обращаться, но если меня Ваней назовешь – я тебе язык вырву, усек?

Чейз посмотрел на Куксу, ухмыльнулся и сделал вид, что нехотя согласен.

– Ну и че, как оно, дышать воздухом простого народа? Или ты в организации на полставки, а вечером садишься в голубой вертолёт и улетаешь на Первое кольцо?

Роберт сделал глубокий вдох и задумался на несколько секунд, пытаясь понять, какую он вообще жизнь живет последние полгода.

– Голубой вертолёт... Хотелось бы. Не знаю, как ответить тебе на твой вопрос... Похоже, что я сам не понимаю, чем я занят... Не знаю, с чего начать даже.

– Ну с начала начни тогда, ёпт, не велика наука.

Чейз помолчал ещё несколько секунд, собирая в кучу всю кашу в голове.

– В начале этого года, когда моя семья потеряла абсолютно всё... Точнее... Когда одна тварь разрушила всё наследие моего отца, – Чейз говорил медленно, будто впервые за последнее время пытаюсь разобраться с тем, что с ним произошло, – я не верил. Даже не осознавал, что происходит. Из, как ты сказал, голубых вертолётов мы переехали на Восьмое кольцо в нору. Как ты понимаешь, я до сих пор не совсем понимаю, где я оказался. Затем, когда отец начал очень настойчиво тонуть на дне бутылки, я пытался что-то делать, не понимая, что в целом-то нужно делать. У нас были какие-то сбережения после продажи всего имущества и покупки того ебучего клоповника на Восьмом кольце, но их хватило бы всего на год с лишним. А затем отец пустил себе пулю в голову в вечер, когда я наговорил ему много лишнего. Пуля была выпущена из пистолета, который я отобрал у Даниила. После того... Я живу как в тумане... Ничего не понимаю... Только злость какая-то тупая, и всё на этом. Так я в этой колымаге с тобой и оказался.

Капкан слегка удивился, услышав такие откровения, но особо виду не подал. Достал пачку за последние сорок минут сигарету и открыл окно.

– Вот такая она жизнь, да? Сначала у тебя есть всё, а затем кто-то делает так, что ничего у тебя не остаётся. Чую я, что папку своего ты любил и сейчас по вечерам на стенку лезешь, хочешь всё взад вернуть. Так оно?

Чейз молча кивнул головой и обреченно вытер левый глаз рукой. За окном проносились навстречу капсулы роботакси, такие же жалкие, как и многострадальная «Максима» Капкана. По улицам полз бедный, серый «донный планктон». В голове всплывали воспоминания из прошлой жизни, они были такими знакомыми и в то же время недостижимо далёкими. Весь этот ком копился слишком долго, хотелось закричать и вывалить это кому-то на голову.

– Я всё думаю над тем, что говорил отец... – продолжил Чековский, уже не удивляясь своей откровенности. – Может, нужно было его послушать и не пытаться вытащить его из запоя? Может, нужно было делать, как он говорит, сначала себя вернуть на прежнее место, а затем и он бы, увидев это, снова обрёл веру в жизнь.

– Э-э, молодой, чё за сопли пошли? Я тебе тут не мозгоправ, чтобы нытьё выслушивать. На первый раз мимо ушей пропущу из уважения к твоему пахану, ещё раз такое услышу – спишем в утиль по причине профнепригодности, – отрезал Капкан.

Чейз мгновенно пришёл в чувство, прикусил губы и молча сделал вид, будто сам не ожидал от себя откровений. Следующие пять минут увлекательного вождения «Максимы» прошли в полной тишине.

– Ты куда-то не туда погнал, – прервал молчание Капкан. – Если бы да кабы... Слишком много мыслей. Давай не пиздострадай, а то быстро станешь бесполезным. Пахан твой жизнь эту видел лучше твоего и знал, что ты упёртый баран. Посему и сделал то, что сделал, ясно? А твоя задача сейчас – сделать всё, чтобы он на небе там в тебе не разочаровался. Скажу так. Я про вашу историю много чего слышал. На месте твоего пахана делал бы всё то же самое.

Чейз зыркнул на Куксу. Во взгляде читалась благодарность и одновременное удивление. Такую точку зрения он ещё не прокручивал у себя в голове. Слова абсолютно незнакомого ему человека, головореза, насквозь провонявшего пеплом и кровью, сейчас прозвучали как какое-то откровение. Роберт задумался. А может быть, этот с виду быдловатый и недалёкий мужик действительно что-то понимает? «Упёртый баран... На его месте я бы сделал то же самое», – звучало как ядовитое утешение, будто снимающее ответственность за случившееся.

Из динамиков «Максимы» раздался знакомый звук вступительного джигла.

– Здравствуйте. В Москве 18:00, это программа «Выюга», в эфире выпуск вечерних новостей, и я – Юнона Шталь, – продолжила свой рассказ бессменная ведущая. Чейз сделал звук потише, чтобы не отвлекаться на голос Юноны.

– Да я не пиздострадаю... Че-то, видимо, накопело, вот и вылилось. Забудь.

Капкан одобрительно рассмеялся, откинул спинку кресла назад, развалился и стал ковыряться в зубах. Чейз немного привык к управлению четырехколёсным ведром и тоже слегка расслабился.

– А чё ты, так на Восьмом кольце и остался жить в той квартире? – спустя пару минут решил продолжить расспросы Капкан.

– Нет, конечно... Я на том районе теперь вообще появляться не могу... Переехал на Шестое кольцо. Быстро я проапгрейдился обратно...

– Ха-ха! Как там? Рожденный ползать – летать не будет, сын Владимира Чековского – хуй сосать не станет? Ха-ха-ха! Ловко ты. Интересно, на какие ж ты шиши выполз на Шестое?

– Старые знакомые помогли... – уклонился Чейз.

– Хах! Хорошие знакомые у тебя, молодой. А баба-то есть у тебя, которой ты так же душу изливаешь по ночам?

– «Баба»... – резануло уши Чейзу. – Есть, да... Только не баба, а девушка.

– Ты мне тут нотаций не читай. Баба она и в Африке баба. Сильно много думать про неё будешь – пожалеешь.

«Максима» выехала на Первую автомобильную артерию и стала разгоняться до предельных для себя 220 км/ч. Чейз, уже полностью адаптировавшись к трафику, перестал сжимать руль.

– Как скажешь...

– Ладно, юнга, не урчи. Чё она тоже голубых кровей, побирается с тобой бедолагой? Или на обочине Восьмого подобрал бомжиху? Красивая?

– Ну, красивая, да... Мне нравится. Вот она, кстати, – тыкнул пальцем Роберт в экран, на котором продолжала вещать ведущая «Вьюги». – Шталь, Юнона. Мы с семи лет знакомы... Не поверишь, в день, когда мы решили первый раз переспать, отец застрелился... – медленно договорил Роберт.

– Ебать-колотить! Ну кино! – искренне удивился Капкан, впервые услышав историю из личной жизни экс-представителя элиты России, затем взял продолжительную паузу. – Так это чё она, не сука, что ли? У тебя ж кроме квартиры на Шестом кольце никуя за душой-то не осталось.

– Получается, что не сука... Я тебе больше скажу, она в этой квартире долю имеет и переехала в неё с Четвёртого кольца... Ладно, хватит о моей личной жизни... И так слишком много разболтал уже.

Кукса окончательно выпал в осадок и озадаченно покачал головой. Затем достал шестую сигарету и поджег. «Максима» приближалась к месту назначения, до прибытия оставалось около десяти минут.

– Катерман говорит, что за себя ты постоять умеешь. Мол, толпе каких-то алкашей глотки повырывал. Правду сказал? – продолжил собирать анамнез Капкан.

– Глотку я только одному вырвал. Остальным кишки достал и бошки поотрывал. Собственно, так мы с ним и познакомились. Той ночью... А что? – с легкой меланхолией ответил Чековский.

– Да ничё, тупые вопросы не задавай. Ладно, хорошо... Я смотрю, ты не такой баклан, каким кажешься. Может, из тебя что-то путное и выйдет... Слушай сюда, – Капкан выключил видеоагрегатор новостей. – Сегодня никаких дел нет, мы просто доедем до «Оазиса», и можешь катиться на все четыре стороны. Завтра действуешь по своей программе, че тебе там Катерман сказал. В субботу, то бишь послезавтра, ты своими ножками самостоятельно добираешься на склад к 15:00. Я там буду тебя ждать. Побеседуешь с Болтом, а затем мы поедем в дело, проверять, как ты за себя можешь постоять. Одно дело зажратых по подъездам щимить, другое дело бобра жирного на бабки обуть. Усек?

– Кто такой Болт?

– Болт – это Сергей Васильевич для тебя, а преемник его, то бишь Катерман, – это Ящер. Только если ты пизданешь им это в лицо, то поймут неправильно.

– Хах, Болт и Ящер, – Чейз усмехнулся. – погоди, ты сказал «преемник»? И как скоро?

– Наш самый главный уже ветхий совсем стал, недалёк тот час, когда он копыта отбросит. Болт на его место метит. Но тебе про это кумекать пока рано ещё. Молоко с соплями пока не обсохло.

Машина заехала на парковку и встала на свободное место. Чековский выключил двигатель. Кукса докурил бычок до фильтра, громко харкнул и вылез наружу. Роберт последовал за ним.

– Капкан, а ты чем занимаешься в целом-то? – громко спросил Чейз, закрывая дверь.

Кукса обошел машину, приблизился вплотную к своему подопечному и посмотрел в глаза сверху вниз. От его длинного туловища воняло каким-то трупным гнильём, а из рта несло куревом.

– Ты, блять, не на сцене, ишак. Не ори на улице, как резаный, – с откровенным наездом ответил «наставник». – Я решаю вопросы повышенной сложности с фраерами повышенной наглости, а ты – моя обуза. Это тебе нужно хорошо запомнить и приложить все усилия, чтобы перестать ей быть. В противном случае фраером повышенной наглости и моей целью станешь ты. Усёк, бля? Теперь свободен, катись отсюда... – договорил он, стукнул Чековского по плечу и пошagal ко входу в заведение.

Роберт нервно посмотрел в спину Ивану Куксе, плюнул на асфальт и развернулся. Путь до квартиры занимал тридцать с небольшим минут, гласила карта. Он направился к метро.

До ближайшей подземки нужно было прошагать около 10 минут. Чейз быстрым шагом направился по заданному направлению. Унылые грязные пейзажи, проносящиеся мимо, кажется, даже не отражались на сетчатке его искусственных глаз. Вместо них мелькали картинки последних месяцев его брeнного существования в аду. Он вспомнил ту самую мартовскую ночь, когда лихие ноги после ссоры с отцом понесли его в злосчастный «Гримград».

Что, если бы его там не было? Что, если бы он держал себя в руках и не устраивал кровавые зверства? Как бы сложилась жизнь, если бы Катерман не воспользовался так умело ситуацией и не втянул по уши его в грязь криминального мира? Прошло уже четыре месяца с того момента, как Чейз превратился из топ-менеджера системы в соучастника группировки, паразитирующей на ней. Вместе с тем прошло и два месяца с момента смерти отца, а каких-либо зацепок, способных привести к голове Хариса, так и не просматривалось. Неужели ему, законному наследнику семьи Чековских, так и суждено будет тратить весь накопленный годами опыт на выбивание долгов, кражу органов у бомжей и мошеннические схемы по отмыванию нелегально нажитых токенов? Слишком много вопросов, ответы на которые, по всей видимости, останутся по ту сторону реальности.

Погруженный в болезненные раздумья, он даже не заметил, как ноги и работающая словно атомные часы транспортная система Москвы донесли его до подъезда дома.

Чейз тихо открыл дверь и зашёл. Приятный запах сладкой мяты сразу же заполонил всё носовое пространство. В новой квартире был сделан вполне себе дорогой ремонт, в минималистичном стиле и тёмных оттенках. Роберт разделся и прошёл на кухню, нажал на пару кнопок автоматизированной системы для готовки натуральной еды, налил бокал вина и сел за стол, уперевшись головой в руки.

– Я дома, – отправил он сообщение Юноне.

– Тоже еду, тебе что-нибудь прихватить? – ответила она практически моментально.

– Нет, я с вином уже сижу.

– Поняла, скоро буду, минут 20.

– Что тебе приготовить?

– Ничего, солнце, я поела уже.

Роберт откинулся в кресле, взял бокал и знатно прихлебнул. По всему телу мерзкими вибрациями накатывала липкая усталость. От стресса перетянуло мышцы шеи и челюсти. В голове проносились беспорядочные мысли и, не унимаясь, мучали Чековского. «...когда одна тварь разрушила всё наследие отца...» – вспомнил Чейз свои же слова. «...твоя задача сейчас – сделать всё, чтобы он на небе там в тебе не разочаровался», – снова резанула ухо фраза Куксы. Желание отомстить Харису и жажда как-то оправдаться перед отцом душили Роберта, с каждым днём затягивая петлю на шее все сильнее и сильнее.

Но как? Каким образом, будучи букашкой, можно уничтожить мамонта, на спине которого держится вся экономика России? Харис теперь уже был в сотнях световых лет от Чейза, и дотянуться до него было невозможно даже в теории. К тому же, раз связался с мафией, обратной дороги не будет. Уже не получится сесть на пост какого-нибудь исполнительного директора вшивой конторы и следующие сорок лет своей жизни посвятить тому, чтобы перебраться поближе к башне «Госводорода». Да и для чего? Что затем?

Но с другой стороны, ресурсы и возможности, которыми располагает мафия, вполне себе позволяют жить безбедно, если не привлекать пристального внимания надзорных органов. Да, на пентхаус с вертолётной площадкой в ближайшие двадцать лет не заработать, но зато можно попробовать потрепать нервы РКС. Хоть какая-то сатисфакция.

Кухонный аппарат подал сигнал о готовности блюда: рыба и пюре. Чейз сделал глоток вина и встал забрать свой «заказ». В этот же момент раздался звук открывающейся двери.

– Ну всё, давай! Я домой зашла уже, пока-пока! – донеслось из прихожей.

Роберт оставил блюдо на месте и пошёл встречать Юнону.

– Приве-е-е-т, солнце моё! – радостно прошептала девушка, поцеловала и крепко обняла.

– Вкусно пахнешь очень, что за духи такие? – так же нежно ответил на объятия Чейз.

– Да я, короче, сегодня снималась в рекламе «Красного восхода», взяла у них бесплатно кучу всяких баночек, тебе тоже прихватила, глянь потом. – Юнона поставила сумку в прихожей и указала на неё пальцем, сняла обувь, зашла в уборную, расправляя свои чёрные локоны.

– Ты как главная звезда там снималась?

– Да, единственная и неповторимая! – послышалось за дверью. – Слушай, я тоже с тобой вина выпью, налей мне, пожалуйста.

Чейз прошёл на кухню, налил бокал вина, достал из холодильника тарелку с закусками, взял свою порцию рыбы, сел за стол и приступил к еде. Юнона ещё какое-то время поносила по квартире, переодеваясь и делая свои домашние дела, затем сняла с шеи Вальтера, положила его в спальне и присоединилась к столу.

– Мне сегодня Ева звонила, – сказала Юнона и уселась на стул, прижав оголенные блестящие колени к груди. – Спрашивала, как дела у нас, так, совсем издалека. С тобой напрямую связываться побаивается, видимо, хочет контакт наладить.

– Ева сама позвонила и спросила, как дела? – чуть не подавился рыбой Чейз. – Резко повзрослела, что ли, и вспомнила, что у нее есть родные? Видимо, второе пришествие уже близко...

– Ну, Роби... – Юнона взяла Чейза за руку. – Ты прям очень строг к ней. Я понимаю, что ты до сих пор зол на неё, но она же твоя сестра, совсем одна и потерянная. Ей твоя поддержка сейчас нужна как никогда раньше, особенно после того, что случилось. Если Ева опять останется одна, то рано или поздно снова взбунтуется, и бог знает, что взбредет ей в голову на этот раз. Ты ее старший брат, она, хочешь не хочешь, будет тянуться к тебе. Не ершишь, пожалуйста, солнце моё.

Чейз улыбнулся, отложил столовые приборы, взял в руки бокал и задумался.

– Думаешь, теперь мне стоит заняться ее воспитанием?..

Юнона встала со стула и уселась Роберту на колени, обняв за шею.

– Чейзик, не воспитанием нужно заниматься. – Девушка чмокнула в макушку Чековского. – Она уже слишком взрослая, чтобы ее воспитывать. Любовь нужна и поддержка! Тогда она точно не будет дурковать и искать внимания где-то ещё. Ей вообще нужно отдать должное, что хватило смелости самостоятельно организовать такой побег из ЗКИ, вернуться в Россию, встретиться с тобой, чуть не помереть там на кладбище, а после этого снова искать контакта с тобой.

– Ну... – Роберт положил руку на бедра Юноне и сжал. – Может, тогда пусть к нам придет, посидим, поболтаем.

– Давай, конечно! – радостно сказала девушка и снова поцеловала его. – Я тогда ей скажу, договоримся о времени позже. Ну вот, видишь, какой ты у меня молодец! Ну чё ты такой угрюмый, улыбнись. Как у тебя день прошёл?

– Хах... Я, если честно, сам не понимаю, как у меня каждый день проходит. Такое чувство, что просто наблюдаю за кем-то другим... Сплошная дереализация какая-то... – глотнул ещё вина Чейз, продолжая обнимать Юнону. – Сегодня вот Даниил выдал мне какого-то очередного припизднутого мордоворота, и мне теперь с ним нужно работать. Не знаю, Юн... Буквально вчера я руководил одной из крупнейших корпораций мира, а сегодня я просто никто, и звать меня никак... И всё из-за одной твари...

Юнона поджала губы и обняла Чейза крепче.

– Роби... Я понимаю, что ты испытываешь невероятно сильную злость. Я очень за тебя переживаю и понимаю, что ты хочешь вернуть всё как было, но этот путь же... – Юнона говорила медленно, пытаясь подбирать каждое слово, словно находилась на минном поле. – Как сказать, чтобы не задеть тебя... Опасный... Он опасный и не факт, что правильный. И самое главное, что движешься по нему ты только для того, чтобы отомстить Харису. Не знаю... Я всегда буду с тобой и буду поддерживать твои решения, но, может быть, подумаем, как можно ещё по-другому?

– Юна, уже поздно что-то думать. Нет у меня пути обратно. Я уже влез в это, и мне придётся пройти этот путь до конца и придумать, как утопить эту тварь так же, как и он утопил мою семью, – посмотрел в глаза своей подруге Роберт. – Да и что может быть другого? Провести журналистское расследование и сказать всем на свете, какой Харис плохой? Во «Вьюге» сюжет выпустить? Тебя подставить? А дальше что? Быть убитым в результате несчастного случая? Нет, спасибо. Еще этого не хватало.

Юнона машинально пальцами потерла переносицу, понимая, что Чековский даже и не думает о том, чтобы пытаться жить мирно. Она встала, подошла к кухонным шкафам и начала переставлять банки местами, пытаясь держать себя в руках.

– Да я не это имела в виду... Да и «Вьюга» тут при чём? Вообще странно слышать, что ты думаешь, что я буду рассказывать на публику все ужасные секреты тайных лабораторий РКС. И откуда бы им у нас взяться? – выпалила Юнона и осеклась, понимая, что закипает. – Я имела в виду, что, может, попробуешь поднять старые связи, поговорить, устроиться куда-нибудь? – Юнона продолжила предлагать варианты, жестикулируя и уже менее точно подбирая слова.

Но сознание Чейза только что перешло на новый уровень бытия. Случайно обронённая фраза девушки напомнила Чековскому о носителе. «Секреты лабораторий РКС», – эхом тысячи голосов раздавались слова у него в ушах.

– Твою мать, ну конечно! – Роберт подлетел со стула, схватил за затылок опешившую Юнону и со всей силы поцеловал её в губы. – Юна! Точно! – протараторил он и рванул в спальню. – Ты просто золото! – донеслось следом.

Шталь несколько секунд стояла, не шевелясь, пытаясь понять, что только что произошло. Затем подошла к столу, осушила до дна бокал вина, глубоко выдохнула, сделала дополнительный глоток из бутылки и проследовала за Чековским в спальню.

Он открыл шкаф и, ругаясь сам на себя, судорожно копошился в вещах. Юнона тихонько подошла к комоду, надела на шею Вальтера и установила соединение.

– Тебе не кажется иногда, что ты живешь с сумасшедшим? – сразу же включился в мысленный диалог искусственный интеллект. – Что с ним? – взволнованно продолжила думать девушка. – Ну... Видимо, ты натолкнула его на какое-то озарение, и он что-то ищет. Сомневаюсь, что тебе стоит записывать это в свои достижения. Ну, разве что в книгу антирекордов...

– Вот! Вот-вот-вот! – крикнул Чейз, держа в руках съёмный электронный носитель. – Сейчас мы, сука, посмотрим, какие там у него тайные лаборатории!

Роберт бросился к домашнему компьютеру, включил безопасную среду и подсоединил носитель.

– Поздравляю, Юнона. Ты только что запустила начало катастрофы, и её уже не остановить, – отметил Вальтер. – Так держать, девочка, продолжай в том же духе, и начнётся уже Третий потоп.

Девушка медленно подошла к Чековскому и стала смотреть в экран. Чейз открывал все папки подряд, компьютерным зрением моментально анализируя содержимое. Затем резко повернулся и глянул на Юнону.

– О! Молодец, умница моя, ты уже включила Вальтера, – сказал он, обезумевшим взглядом глядя на висящий на шее у Шталь кулон с процессором. – Пожалуйста, подключи его, пусть скажет, что тут есть.

– Эхх-м... Ты хочешь, чтобы я изучил содержимое этих данных, Юнона?

– Давай, подключайся и смотри, – не зная, на что соглашается, всмотрелась в экран Шталь.

Вальтер установил соединение с безопасной средой компьютера, залез в директорию съёмного носителя и стал анализировать содержимое. Через десять секунд из динамиков послышалось задумчивое мычание.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Чейз.

– В общем... – Вальтер пытался рассчитать все возможные сценарии развития будущего в зависимости от его вероятных ответов. Но ни один из них не казался ему сколько-нибудь положительным, поэтому он решил ответить просто так, как есть на самом деле. – В стенах РКС, по всей видимости, пытаются создать новый вид людей и уничтожить всё человечество в том виде, в котором оно сейчас существует. Во-о-о-от. Это действительно похоже на внутреннюю сверхсекретную информацию. Каким образом у тебя оказалась эта флешка?

Все биологические виды в комнате резко замолчали и, кажется, перестали дышать. Даже запах сладкой мяты куда-то улетучился.

– Роберт, приём! Откуда флешка? – нарушил тишину Вальтер.

– От уволенного сотрудника РКС, который прятался на Десятом кольце, – автоматически произнёс Чейз. – Стой. погоди. Что ты имел в виду под «уничтожить человечество»?

– Я сказал «уничтожить всё человечество в том виде, в котором оно сейчас существует», а не просто «уничтожить», – язвительно ответил Вальтер.

– Может, пояснишь, блин? – вмешалась Юнона.

Искусственный интеллект замешкался. Казалось, будто сама программа, какой бы осознанной она ни была, выпала в осадок от увиденного.

– Ну, РКС хочет создать что-то вроде коллективного разума, нейросети, если угодно, из сознаний людей. Превратить *homo sapiens* в *homo collectivum*. Это документация *Unus Animus* – проекта, в рамках которого они пытаются создать устройство и носителей, способных мыслить коллективно. То есть вывести людей с определенным набором генов, которые смогут выдерживать подобную нагрузку. – Вальтер сделал многозначительную паузу. – Если совсем по-простому, то РКС на горизонте двадцати лет хотят заместить всех людей новым, так сказать, видом, который будет мыслить, как рой жуков. Даже больше... Как один цельный мозг.

В комнате снова повисла тишина. Вальтер продолжил вычислять сценарии, как полученная информация скажется на Юноне и на нём самом. Чейз пытался осознать, какое сокровище оказалось у него в руках по чистой случайности и как им воспользоваться. Шталь же находилась в состоянии глубокого шока и даже страха, понимая, что теперь Роберта в его желании уничтожить Хариса можно было остановить только через его же труп.

– Господь милостивый... За что же мне всё это? – прохрипел Вальтер. – Это что теперь, Ева к нам не приедет на выходных?

Глава 2. «Вкус бездны».

Москва, 31 июля 2110 года.

Позднее лето в Москве методично продолжало превращать людей и роботов в кучки расплавленного хлама. В семь утра воздух уже был густым и липким, как горячий сироп. Жара днем в 55 градусов, обещанная синоптиками, начала раскошегариваться и просачиваться сквозь тройные стеклопакеты элитного жилого комплекса на Четвертом кольце.

Елена Расулова стояла под струями ледяной воды.

Ее душевая кабина была похожа на медицинский бокс – стерильный хром, белый кварц, ни единого лишнего предмета. Она стояла неподвижно, позволяя холоду бить по идеальной коже и крайне привлекательной фигуре, смывая остатки сна. Душевые принадлежности – мыло, баночки и разные средства – стояли на своих местах, как под линейку. В этой квартире не было места ни беспорядку, ни слабости.

Она вышла, обернувшись в воздушное полотенце. Зеркало в ванной не запотело – вентиляция работала безупречно, лишний раз подчёркивая педантичность хозяйки. Елена посмотрела на свое отражение. Осмотрела лицо, фигуру, отметила незаметные никому из окружающих изъяны. Затем накинула халат и стала сушить голову.

Движения были точными, экономичными. Сборка. Увлажняющий крем. База. Тональный флюид. Боевой раскрас методично наносился на холодное лицо женщины. Каждая линия была выверена. Взгляд становился выразительнее, четче.

Закончив, вышла из ванной и прошла в спальню.

Комната была небольшой, в мягких тонах. В центре – детская кровать-капсула. Там спал мальчик. Лет девяти. Елена склонилась над кроваткой и поцеловала сына в лоб.

Солнышко мое, мама поехала, вечером буду дома. Тебе сегодня на занятия, не забывай. Няньке программу поставила.

Ребенок сквозь сон угукнул, улыбнулся и накрылся одеялом. На секунду ее лицо смягчилось. Почти незаметно. Она провела пальцами по волосам сына. Мальчик что-то пробормотал и повернулся на другой бок. Елена отошла от кроватки, проверила программу бота-няньки и действующее расписание, включила режим наблюдения.

Тихим шагом, чтобы не мешать, она вышла из комнаты. Дверь закрылась беззвучно. Она вернулась в свою спальню. Надела броню – строгий, идеально скроенный брючный костюм серого цвета. Собрала волосы в тугой узел.

Расулова подошла к домашнему терминалу. На голограмме – сводка новостей. Улыбающееся, волевое лицо нового мэра Максима Сорокина. Елена усмехнулась. Идеальный фасад.

В 07:40 она уже была на подземной парковке. Белое роскошное купе, чистое до блеска, ждало ее с уже охлажденным салоном. Автомобиль с едва уловимым шумом электродвигателя тронулся с места.

Навигатор показал пункт назначения: «Госводород. Центральная башня». Автопилот включен. Елена отстранилась от управления и принялась проверять сообщения, накопившиеся с ночи.

Белое роскошное купе выкатилось из кондиционируемого подземелья парковки. Мир снаружи мгновенно ударил по стеклам раскаленной белой вспышкой. Уже +34°C. Здесь, на Четвертом кольце, жара была такой же беспощадной, но, в отличие от гетто, она была ухоженной, почти стерильной.

Автопилот плавно вклинил автомобиль в утренний поток. Это был город, живущий под невидимым куполом технологий и тотального контроля. Улицы сверкали чистотой. Их круглосуточно обслуживали легионы ботов-полировщиков, похожих на приземистых хромированных пауков. Они без остановки скользили по тротуарам, натирая их до зеркального блеска и мгновенно утилизируя любой мусор. Над дорогой висела легкая туманная дымка – это работали атмосферные распылители, встроенные прямо в фасады зданий. Они сбивали температуру на пару градусов, не давая идеальному асфальту превратиться в кипящую смолу.

Люди – клерки, менеджеры, обслуга элиты – шли по этим охлажденным тротуарам. На них были легкие деловые термокостюмы, отводящие пот. Никто не толкался. Никакой паники, никакой грязи. Елена проехала мимо ВМКЗБ. Конкретно на этом перекрестке «светильник» был выполнен в виде элегантной стелы из темного стекла и полированного титана, которая не только следила, но и управляла трафиком, раздавая приоритеты машинам класса «А» и молча сканируя нейроимпульсы прохожих. Это был мир, где всё работало. Мир, который Елена Расулова помогала строить и который теперь «защищала».

Вдруг машина плавно, но быстро сбросила скорость, почти встав. Елена раздраженно подняла взгляд от голограммы.

Впереди затор. Социальный инцидент. Перестроение на параллельный маршрут, – безэмоционально сообщил автопилот из динамиков.

Елена прищурилась. Метрах в ста, перекрыв две полосы, стоял фургон «СоцЗащиты». Рядом с ним два тяжелых бота-санитара пытались поднять с асфальта какое-то тело. Оборванец. Донный планктон, который каким-то образом просочился через кордоны Седьмого кольца. Он лежал на раскаленном асфальте, очевидно мертвый, и мешал движению.

Боты работали неуклюже, следуя протоколу гуманности, пытаясь упаковать тело в термомешок, не повредив его. Позади уже скапливалась пробка из таких же дорогих машин, как у Елены. Никто не сигнализировал. Все молча ждали, презируя сам факт того, что этот «мусор» не убрали вовремя.

Елена нажала кнопку на панели. «Активировать приоритет второго уровня. Проложить курс через сервисную линию».

Автопилот подчинился. Машина плавно съехала с основной дороги на узкую полосу, предназначенную только для спецтранспорта, высших чинов и людей с «обширными связями». Купе без промедления объехало пробку и через тридцать секунд снова влилось в поток.

Она откинулась на спинку сиденья. Интерфейс автомобиля мягко проецировал входящие сообщения на лобовое стекло. Взгляд Елены скользнул по заголовкам: отчеты из министерства, напоминания от бота-няньки, зашифрованный запрос от Хариса на утренний доклад. Рутинная. Она открыла первый файл. До встречи с главным хищником этого города оставалось полчаса.

Через десять минут белое купе встало у пропускного пункта на подземную парковку башни «Госводорода». Сканер сетчатки. Сканер ID автомобиля. Сканер термального контура шасси – проверка на взрывчатку. Ворота открылись, и Елена, взяв руль в руки, плавно спустилась на парковку. Остановилась ближе к лестнице. Взяла сумку и зимний плащ, посмотрела в зеркало и вышла из машины. Затем поднялась на первый этаж.

Лобби башни встретило ее гулкой тишиной. Мир Чековского, каким она его помнила, – с живыми растениями, дорогим, но теплым искусством и суетливыми помощниками-людьми – умер. Харис вычистил все. Теперь это был стерильный машинный цех. Вместо картин – гигантские голографические панели с динамикой мировых цен на водород. Вместо живой секретарши – холодный стальной терминал, который молча просканировал ее лицо и указал на лифт.

Сотрудники «Госводорода», которых она видела, передвигались быстро, почти бесшумно, не поднимая глаз. Это место теперь пахло страхом и озоном.

Женщина подошла к лифтам и приложила карту приоритета. Лифт «руководителей» спустился почти мгновенно. Она зашла внутрь и накинула плащ. На табло уже горел символ, обозначающий маршрут от лобби до кабинета Дениса Васильевича без остановок. Двери бесшумно закрылись, и лифт понесся в небо.

Елена вышла и встала напротив входа в помещение. Камера наблюдения распознала посетителя и отправила уведомление хозяину башни. Загорелся зеленый свет. Елена вошла в кабинет, и ее тут же обдало холодом. Десять градусов. Привычный гул криогенных насосов, остужающих не только серверы, но и самого владельца.

Харис сидел за столом. Возможно, он и не уходил отсюда никуда последнюю неделю. Он был неподвижен, как часть интерьера. Глаза были устремлены в голограммы, пульсирующие данными «Госводорода».

Елена не стала ждать приглашения. Она сразу подошла к столу и села, зная установленный регламент.

Денис Васильевич. – Ее голос был ровным, деловым.

Он не повернул головы. Только едва заметно кивнул, давая понять, что слушает.

Инаугурация Сорокина прошла по плану, – начала она. – Его риторика о «суверенитете» идеально синхронизируется с медийной кампанией, которую мы готовим. Мое ведомство уже получило от его администрации запрос на «усиление мер безопасности». Проект по интеграции модулей в ВМКЗБ будет одобрен под предлогом «антитеррористической» чистки после дела Чековского. Никаких отклонений от намеченного плана нет. Они уверены, что получают инструмент для контроля над окраинами, – добавила Елена с легкой усмешкой. – Министерство даже не догадывается, что они за казенный счет строят физическую инфраструктуру для будущей сети.

Харис снова кивнул. Он перевел взгляд с графиков поставок водорода на нее.

Что с фермами? – флегматично спросила машина.

Елена едва заметно улыбнулась.

Есть новости по объекту «Гармонизатор» с Ясногорской фермы. Это Дональд Мак'Дугалл, который участвовал во взломе внутренней сети Владимира Чековского.

Новости о биомусоре? – Харис надменно уставился в глаза женщине.

Не совсем. Сейчас сброшу вам отчет.

Она переслала файл на его терминал. Демиург открыл его.

Серво провел первую интеграцию в конце мая, – продолжила Елена. – Результат аномальный. Объект с ходу начал администрировать нейросеть. Спустя два месяца работ результативность объекта выросла в разы.

Харис увеличил данные. На голограмме побежали графики нейронной активности.

Он стабилизирует других подопытных в узле. Подавляет их шум. Когерентность всей группы при участии объекта в среднем возрастает на 72%. Результат стабильный. Сформирован отчет. Мак'Дугалл демонстрирует положительную динамику с каждым разом. Это первый настолько перспективный объект.

В кабинете воцарилась абсолютная тишина. Харис отключил голограммы «Госводорода», фокусируясь на отчете. Он думал о своих провалах. О десятках экспериментов на приматах в лабораториях РКС. Органика бунтовала. Некроз. Кровоизлияния. Чистая логика ИИ-ядра отторгалась хаотичной, грязной плотью. А этот... Наркоман... Сломленный, выжженный «Гармонией» мозг оказался идеальным интерфейсом. Его страдающий, нестабильный разум инстинктивно нашел способ сбалансировать нагрузку сети.

Елена всмотрелась в глаза уже не человека. Видела, как на секунду в них вспыхнула одержимость. Стало понятно, что этот грязный наркоман из трущоб для него сейчас важнее,

чем мэр Москвы и все министерство. Женщина инстинктивно подумала о своем сыне и о том, какой грязью ей приходится заниматься. Елена работала на этого монстра, чтобы ее ребенок жил в мире, который строило чудовище. По крайней мере себя она утешала тем, что рано или поздно она окажется в команде победителей или же сбежит куда подальше, как только накопит достаточно средств и выдастся шанс.

Доставить. – Голос Хариса прозвучал как щелчок металла.

В московскую лабораторию. Продолжим наблюдение?

Да, – отрезал Харис, снова превращаясь в машину. – Лаборатория РКС-1. Центральное ядро. Подготовить к протоколу «Омега».

Елена замерла. «Омега» была тем самым протоколом по подсоединению к устройству удаленного управления организмом и переписыванию личности, в ходе которого у шимпанзе поджаривались мозги, а люди умирали от системного нейронного коллапса. Более того, ей лично пришлось следить за цифровым «замыливанием» счетов на утилизацию биоотходов после последних трех провалов «Омеги». Расулова прекрасно знала, что это билет в один конец.

Она кивнула, мысленно прощаясь с Дональдом...

Будет сделано, Денис Васильевич. Свободна?

Да.

Женщина встала, развернулась и вышла из ледяного кабинета. Двери за ней бесшумно закрылись. Харис остался один, наблюдая красоты утренней Москвы через бронированное стекло. Впервые за долгое время его нечеловеческое лицо почти улыбнулось искренне, потому что захотелось.

Лифт понес женщину вниз, возвращая из десятиградусного склепа в раскаленную реальность. Елена чувствовала, как по спине, под дорогим серым костюмом, начинает скапливаться влага. Так каждый раз наступал адреналиновый «отходняк» от разговоров с бездушной машиной.

Она спустилась на паркинг, сняла плащ, аккуратно сложив его в багажник. Села в машину и выкатилась на улицу. Боты-полировщики лениво скользили по плавающему тротуару, оставляя влажные следы, которые испарялись через секунду.

Маршрут, – скомандовала она бортовому ИИ.

Пункт назначения? – отозвался компьютер.

«Архив».

Машина плавно влилась в поток. Елена отпустила руль, делегировав непростое дело автопилоту.

«Протокол Омега», – крутилось у нее в голове снова и снова. Она вспомнила лицо Мак'Дугалла там на парковке, осенью прошлого года. Талантливый, бедный, по-своему харизматичный жалкий наркоман, с которым приходилось работать несколько раз и до дела Чековского. Теперь просто биомусор. Уже заранее мертвый.

Затем она вспомнила того оборванца на асфальте, которого видела утром, – фактически такой же мусор. Только его смерть была хаотичной и бессмысленной. Дональд же умрет по указу Хариса, по крайней мере, это пойдет на пользу проекту.

В этом была вся разница. Мир делился на тех, кто утилизирует, и тех, кого утилизируют. Елена давно сделала свой выбор.

Белое купе двигалось по Третьему кольцу. Здесь жара ощущалась иначе. Воздух был чище банально из-за денег. Фасады зданий были покрыты «активной» термокраской, поглощающей излишки тепла. Дорожное полотно было «умным» – под асфальтом гудела сеть охлаждающих трубок, не давая ему плавиться.

Это был мир идеального менеджмента. Здесь не было видно донного планктона, который мозолил глаза тем, кому повезло родиться географически ближе к Кремлю. «Биомусор» просто

не пускала сюда система ВМКЗБ, которая сканировала ID и автоматически вызывала патруль «СоцЗащиты» при обнаружении «красного» статуса.

Елена свернула к «Меридиану» – башне из черного стекла. «Архив» был тут – своего рода закрытый клуб, замаскированный под библиотеку на верхних этажах. Самое снобское и самое старое место в Москве. Сюда нельзя было попасть за деньги. Только по крови или рекомендации тех, чьи семьи не утонули во Втором Потопе, вовремя сохранив активы.

Машины принял бот-парковщик. Елена вошла в стерильный холл. Швейцар-андроид, выглядевший как идеальный аристократ, молча указал ей на лифты. Внутри было прохладно, +22°C. Пахло роскошью – настоящим деревом, старой бумагой и дорогим кофе.

Расулова поднялась на нужный этаж и прошла в «Тихий зал». Здесь все было как по-старинке – не работали компьютеры, ИИ и прочие приبلуды современности. Только бумажное меню и живые официанты. Оплата, конечно же, все равно производилась цифровыми средствами.

По традиции тут велись живые снобские разговоры шепотом. Несколько пожилых мужчин и женщин в дорогих костюмах пили кофе с ирландским ликером с утра пораньше и листали бумажные книги. Они делали вид, что мир не изменился.

Елена заказала эспрессо и круассан с лососем и творожным сыром. Простое блюдо старой эпохи, которое во всей Москве подавали чуть ли не только тут.

Удивительно, но Расулова ненавидела это место. Ненавидела этих людей и их высокопарные разговоры. Она приходила сюда лишь для того, чтобы убедиться в правильности сделанного ею выбора. После каждой встречи с Харисом она хотела посмотреть на тот самый «традиционный» мир, который в конечном счете исчезнет навсегда.

Она смотрела, как аристократы цеплялись за свои ритуалы, за свою «честь», за наследие, за историю Чековского, которого втихую жалели. Они были динозаврами, доживающими свой век в комфортном инкубаторе. Слабыми и обреченными.

А Харис... Харис же в глазах Елены был будущим. Жестоким, нечеловеческим, ледяным, но будущим. Хищником, который пришел за этими динозаврами.

Официант принес заказ. Елена сделала глоток. Горечь настоящего кофе. Прелесть. Лосось, сыр и слоеное тесто тоже не отставали.

Внутренний мыслительный процесс постепенно замедлялся. Всем мукам совести находилось «достойное» объяснение. Да, на ее руках кровь. Кровь Чековских, которых она помогла утопить. Кровь этого наркомана Кори, которого через несколько дней она направит на мучительную смерть в «Омеге». Но ведь все это было ценой за билет в новый мир.

Елена достала смарт-очки и включила защищенный канал. Открыла камеру в детской. Мальчик проснулся и собирал конструктор.

«Ты не будешь в команде проигравших, солнышко. Мы обязательно победим, чего бы это мне ни стоило», – подумала она.

Елена доела круассан, допила эспрессо и встала из-за стола. Ее лицо снова окрасилось в холод и беспринципный прагматизм.

Пора было ехать в Министерство информационных сетей.

Мексика, Гвадалахара, конец мая 2110 года.

Вечерняя погода в городе-пристанище Гвадалахаре не отличалась ничем от московской. Тут было все так же жарко и невыносимо на улице. Просто оттенок жары менялся с ослепительно-белого на грязно-оранжевый, пропитанный запахом раскаленного бетона, жареного масла и дешевой синтетики.

Андрэ сидел за узким кухонным столом, сгорбившись над разобранным корпусом персонального дрона-доставщика своей сестры. В свете настольной лампы его лицо казалось высе-
ченным из темного камня, покрытого трещинами усталости. В руках он держал паяльник с
тонким жалом, а глазные импланты работали в режиме макросъемки, позволяя видеть мелкие
дорожки на плате управления.

Это был старый китайский «Шмель-4», рабочая лошадка местных жителей. В Гвадала-
харе было принято покупать своего личного дрона и подключать его к экосистемам доставки.
Выходило сильно дешевле в долгосрочной перспективе, чем каждый раз платить сторонним
компаниям. Диана взяла его полгода назад у перекупов, и с тех пор аппарат больше времени
проводил в ремонте, чем в воздухе.

Ты его дожжешь, – раздался голос со стороны кухонной плиты.

Паяльник замер в миллиметре от контакта.

Я шунтирую цепь питания, – буркнул Андрэ. – Заводской лимитер душит вольтаж. Если
переписать драйвер батареи и кинуть мост напрямую на моторы, он выиграет тебе двадцать
минут полета.

И сгорит через неделю. – Диана помешивала фасоль в глубокой сковороде.

Не сгорит. Я поставил хороший теплоотвод. Я ж обещал тебе в прошлый раз, что привезу
нормальный. Местные «мастера», – Шоу сделал акцент на этом слове, – тебе голову дурят и
просто высасывают деньги.

Андрэ наконец оторвался от работы и посмотрел на сестру. В голове опять стали всплы-
вать картинки из ее детства, которые сильно контрастировали с сегодняшней реальностью.
«Да... Она действительно поменялась за последние десять лет... Мне не показалось», – поду-
мал он. Та маленькая девочка, которую он помнил, исчезла, растворилась в суровом мексикан-
ском быте. Перед ним стояла взрослая женщина с жестким взглядом и мозолистыми руками.
В ее движениях была только экономная, выверенная усталость человека, который привык рас-
считывать силы до конца смены. Но несмотря на такой образ, ее черты лица и фигура были
в относительной норме. Диане как-то удавалось пахать, как лошадь, но при этом оставаться
женщиной. Пусть и с большим трудом.

Темные волосы собраны в тугой узел, на шее блестела капелька пота. Майка на спине
промокла. Кондиционер в квартире хрипел, гоняя горячий воздух по кругу, но толку от него
было мало.

Мой руки, – сказала она, выключая плиту. – Еда готова. И убери свои железки со стола.
Мы здесь едим, а не собираем терминаторов.

Шоу послушно отложил инструменты. Аккуратно сдвинул детали дрона на край столеш-
ницы, прикрыв их тряпкой. Встал, подошел к раковине. Вода из крана текла тонкой, ржавой
струйкой.

Внезапно с улицы донесся резкий звук. Где-то внизу, в колодце двора, лопнула шина
грузовика. Хлопок был сухим и громким, как выстрел.

Тело Андрэ среагировало быстрее разума. Плечи дернулись вверх, закрывая шею,
мышцы спины окаменели. Он замер, сгорбившись, с водой, стекающей по намыленным рукам,
и дикими глазами уставился в темный проем окна. Секунда тишины. Пульс 100 ударов в
минуту.

Диана стояла с половником в руке и смотрела на него. В ее взгляде читалась только глу-
хая, спокойная печаль. Подобную картину она видела не в первый раз за последние дни.

Это просто колесо, Андрэ, – тихо сказала она. – Здесь не стреляют. По крайней мере,
сегодня. Русские убийцы тебя не преследуют. Все хорошо.

Шоу медленно выдохнул, заставляя мышцы расслабиться. Ополоснул лицо, пытаясь
смыть наваждение холодной водой, пахнувшей хлоркой и ржавчиной.

Я знаю-знаю... Прости... – буркнул он, вытираясь полотенцем.

Андрэ, – эхом повторила она, ставя тарелки на стол. – Ты вернулся домой, брат. Тело твое здесь. А голова все никак не может вылезти из того ужасного контейнера. Или из России. Я не знаю, где хуже.

Ди, я понимаю... – стыдливо сказал Андрэ, вытирая лицо полотенцем. – Я не знаю, что со мной... Я пытаюсь быть нормальным, как раньше, но у меня не получается. – Шоу сел за стол и закрыл лицо руками. Сестра с сочувствием обняла его за руку.

Ешь. Скоро все наладится. Ты главное думай о хорошем, а не вспоминай прошлое, – ласково сказала Диана.

Они сели ужинать. Фасоль, рис, лепешки, немного синтетического мяса. Простая еда, вкус которой Шоу забыл за годы питания тубиками и «ресторанными изысками». Андрэ ел механически, глядя в тарелку.

Ди... Знаю, что ты сейчас будешь ругаться. Но я так решил. Открыл счёт на твоё имя, – сказал он, нарушая молчание. – Хватит, чтобы закрыть аренду на пять лет вперед. Или купить свое жилье, но не в этом муравейнике. Можем присмотреть дом ближе к центру, там, где воздух чище.

Диана медленно отломил кусок лепешки, обмакнула его в соус, но в рот не положила. Просто посмотрела на брата. Во взгляде читалась усталость взрослого человека, который вынужден объяснять ребенку, почему нельзя трогать оголенный провод.

Господи... Андрэ, – тихо произнесла она. – Это те самые «несколько сотен миллионов», которые, как ты говоришь, честно заработал?

Это чистые деньги. Не ворованные. Моя доля за... За работу в Москве.

Работа бывает разной.

Она наконец положила лепешку в рот, медленно прожевала. Андрэ чувствовал, как внутри нарастает напряжение. Ему хотелось, чтобы она обрадовалась, начала строить планы, выбирала район. Но вместо этого повисла тяжелая, липкая тишина.

Я не об этом. – Диана отодвинула тарелку. – Ты сам себя обманываешь. Ты думаешь, что приехал, вывалил на стол кучу токенов, и все? Теперь ты хороший сын и брат? Ты лжешь себе, Андрэ, думаешь, что можно просто взять и перечеркнуть все чеком?

Я не пытаюсь ничего перечеркнуть. Я хочу, чтобы ты жила в безопасности. Чтобы не работала за копейки и из крана текла не ржавчина.

Братец... Я не жалею. Это моя жизнь. Я ее строила, пока тебя не было. У меня здесь клиенты, соседи, я знаю продавца в лавке за углом. Это мой мир, Андрэ. Бедный и убогий, но он мой. А ты хочешь выдернуть меня отсюда и посадить в стерильную банку, потому что тебе страшно, и ты сам себя наказываешь неизвестно за что.

Мне не страшно. Я просто хочу как лучше.

Нет, брат. Тебе страшно. Ты вздрагиваешь от лопнувшей шины. Смотришь на окна соседнего дома, выискивая проклятых русских снайперов. Ты привез эти деньги лишь для того, чтобы откупиться от собственной совести.

Она потянулась через стол и нежно тронула ладонью его лицо. Ее рука была горячей и шершавой.

Мы не поедem ни в какой центр, Андрэ. Ни завтра, ни через неделю. Ты только вернулся. Перестань бежать. Просто побудь здесь. Мне нужен брат! Родной! А не миллионы токенов.

Ди... Я просто хочу, чтобы у тебя была достойная жизнь и ты не впахивалась с утра до ночи на работе. Больше всего на свете я хочу, чтобы моя сестра была счастлива...

А ты? – Она подняла на него глаза. – Ты счастлив, брат? Ты спишь по три часа. Ты вздрагиваешь от каждого шороха. Ты смотришь на дверь так, будто оттуда сейчас войдет смерть. Ответь мне: деньги сделали тебя счастливым? Да или нет?

Андрэ потупил взгляд в тарелку и задумался.

– Нет, не сделали...

Почему тогда они должны сделать счастливой меня? – по-доброму ухмыльнулась сестра.

У Андрэ не нашлось ответа на этот вопрос. Он посмотрел на сестру, затем на тарелку с домашней едой. Ему хотелось быть спасителем, героем, вернувшимся с войны с дарами, а он оказался просто испуганным беглецом с полными карманами валюты.

Ты ешь давай, вроде вкусно получилось, – сказала Диана и сама принялась за еду. – Деньги... Пусть лежат. Если они жгут тебе руки, то пусть лежат у меня, я сохраню до времен, когда они действительно понадобятся. Но не надо пытаться купить мне новую жизнь взамен той, что у меня есть, ладно?

Ладно, – сдался Шоу. – Как скажешь.

Он снова взялся за ложку, но аппетит пропал окончательно. Еда в горле стояла комом. Андрэ механически жевал, глядя на темное окно, в котором отражался какой-то незнакомый, сломленный мужик с пустыми глазами. Слышно было только, как гудит старый холодильник и где-то у соседей визжит динамик.

Ты ведь там кого-то оставил, да? – вдруг спросила Диана, не поднимая глаз от тарелки.

Шоу замер. Вопрос прозвучал слишком просто, но попал в самую точку.

С чего ты взяла? – хрипло спросил он.

Потому что у тебя взгляд побитой собаки, которую выгнали из дома. – Она отложила вилку и посмотрела на него в упор. – Ты вроде бы здесь, вернулся домой уже несколько месяцев назад, сидишь передо мной, чинишь этого проклятого дрона, но мыслями там. В Москве. Кого ты там бросил, Андрэ?

Шоу отложил ложку. Достал пачку сигарет, выбил одну, но прикуривать не стал. Просто крутил ее в пальцах, чувствуя, как дрожат руки.

Друга, – наконец выдавил он. – Я бросил друга.

Друга? – переспросила Диана с легким недоверием и потянулась к пачке сигарет брата, чтобы тоже взять одну.

Да. Его зовут Дональд. Мы вместе работали. Я пару раз тебе о нем рассказывал, когда болтали по телефону, но как-то никогда не вдавался в подробности. Не хотел личное обсуждать не лично. – Андрэ наконец-то поджег сигарету себе и сестре. – В общем, все это время мы вместе выбирались из дерьма. Он... – Андрэ запнулся, подбирая слова. – Он талантливый. Гений, каких мало. Но слабый.

Перед глазами всплыло лицо Кори. Бледное, перекошенное злобой и наркотическим угаром. «Мы с тобой не друзья, Андрэ, мы с тобой вынужденные временные союзники», – эти слова до сих пор звенели в ушах.

Он сидит на игле? – проницательно спросила сестра, подвигая пепельницу ближе.

На ингаляторах в основном. В общем, на всем, что позволяет не видеть реальность. Я пытался его вытащить. Годами пытался. Был ему нянькой, отцом, братом. Вытирал сопли, спасал от дилеров, прикрывал перед начальством.

Андрэ сжал сигарету так, что она сломалась пополам. Табак посыпался на стол.

Твою мать... – запнулся он, достал новую и поджег. – А потом я просто устал. В тот момент, когда у нас появились деньги, когда мы могли все изменить... Он выбрал кайф. Послал меня к черту. И я ушел. Просто закрыл дверь и ушел. Оставил его одного в квартире, полной денег и наркотиков.

И теперь ты думаешь, что он погибнет?

Я не думаю. Я знаю. Без меня он не жилец. Его либо найдут люди в погонах, либо он сам себя прикончит передозом. Это вопрос времени.

Диана молчала, разглядывая брата. Потом вдруг с облегчением усмехнулась.

Фух... Ну ты даешь, Андрэ. Напугал меня.

В смысле?..

Да я уж, грешным делом, подумала, что ты там женщину оставил. Любовь всей жизни, семью. Чёрт возьми, детей. А ты тут из-за взрослого мужика убиваешься.

Она покачала головой, убирая со стола пустые тарелки.

Слушай, ему не пять лет. Он сам сделал свой выбор. Если мужик хочет сдохнуть – ты его не остановишь. Ты ему не папочка, чтобы сопلي вытирать до пенсии. Разберется как-нибудь, чай не маленький.

Слова сестры должны были успокоить, но вместо этого они ударили под дых второй раз. «Я думала, что ты там женщину оставил», – эхом прокатилось по ушам несколько раз. Андрэ замер, глядя на рассыпанный табак.

И любовь свою я тоже там оставил, – глухо произнес он, сам понимая, как жалко выглядит со стороны.

Диана перестала греметь посудой. Она медленно вытерла руки полотенцем и села обратно за стол, напротив брата.

Любовь? – переспросила она, уже без иронии. – И что с ней?

Ее звали Мария. Мы жили вместе почти пять лет... Я ее встретил после смерти матери. Ты сама помнишь тот период... В общем...

А... Та русская? – Диана подняла бровь, смутно вспоминая какие-то упоминания в коротких редких телефонных разговорах многолетней давности.

Да.

И ты все эти десять лет только о ней и думаешь!? – сестра усмехнулась. – Дева Мария... Даже я уже её забыла. Андрэ, ты идиот!!

Я правда любил ее! Я хотел заработать денег, чтобы мы могли жить нормально. Я обещал ей, Ди. Обещал, что вытащу нас. Что куплю ей дом, роботов, шмотки. Мы смотрели на этот проклятый город с крыши нашей башни, и я клялся, что он будет нашим.

Да что с тобой, брат? Что за дьявол в тебя вселился? Ты решил всех призраков прошлого вспомнить именно сейчас, когда ты вернулся в Мексику?

Я не знаю, Ди... Я просто думаю о том, что я сделал за эти 10 лет. Куда я потратил годы своей жизни. Да, именно сейчас всё это в голове и всплывает!

Понятно... Ты просто ищешь утешения со стороны. Точнее даже не так. Тебе нужно, чтобы все скорбили о твоих проёбах, так ты будешь чувствовать величие и тяжесть своей доли. Только вот знаешь... Даже я этим заниматься не буду. Чёрта с два. Этот порочный круг нужно разрывать, а не вечно посыпать голову пеплом и извиняться перед своей же тенью.

Диана встала и подошла к раковине, суетливо пытаясь навести марафет на кухне. Андрэ сидел молча, уперев лицо в ладони.

– А насчет той русской девки... Ты хотел купить ей жизнь, прям как мне сейчас! – продолжила Диана. – Это вообще омерзительно! А теперь сидишь тут и сопли жуешь, потому что не вышло. Знаешь, что я тебе скажу? Хвала Деве Марии, что не вышло!! – начала кричать младшая сестра.

Что? – Шоу поднял на нее взгляд.

Что слышал! На кой черт тебе эта русская?! Что у вас общего, кроме нищеты, в которой вы там сидели? Ты мексиканец, Андрэ. Твоя кровь здесь, твоя земля здесь. А ты гоняешься за призраками на другом конце света!

Она подошла к нему и сильно ткнула пальцем в грудь.

Хватит ныть. Ты вернулся. Ты мужик, у тебя есть деньги, руки-ноги целы, ты работаешь на, мать его, семью Осорио! Оглянись вокруг! В Гвадалахаре самые красивые женщины в мире! Найдешь себе нормальную, нашу. Которая будет понимать тебя без слов, которая родит тебе детей, похожих на тебя, а не на бледных поганок. Я завтра же пойду по всем своим подругам искать тебе нормальную мексиканскую женщину!!

Диана, ты не понимаешь...

Это ты не понимаешь! – Диана Шоу крикнула и стала очень активно жестикулировать. – Ты привез деньги?! Отлично! Построй дом! Здесь!! Женись! Сделай так, чтобы род Шоу не закончился на тебе, старом дураке! Вот это будет дело. А страдать по русской бабе, которая бросила тебя сто лет назад, – это для мыльных опер! – Диана сделала десятисекундную паузу, сделала глоток воды и выдохнула. – Андрэ... – продолжила она уже спокойнее. – Ты ищешь утешения не в том, что нужно. Твой разум болен, но ты этого не понимаешь и лечить его не хочешь. Тебе нужно заземлиться, иначе ты улетишь в пропасть вслед за своим дружкой-наркоманом.

Она вернулась на свое место и агрессивно начала собирать посуду.

Забудь ее. Ее больше нет. Ты наконец-то вернулся домой! Есть ты, есть я, и есть будущее нашей семьи. И оно здесь, с местными девками, которые тебе нарожают кучу крикливых пацанов. Вот тогда и поговорим о счастье. А пока – доедай фасоль и не беси меня своей кислой рожей, – отрезала сестра.

Она прекрасно понимала, что от убитого состояния брата просто так не избавиться. Никакого прогресса за последние месяцы пребывания в Мексике не наблюдалось. Пора было действовать по-старинке. Пациент нуждался в шоковой терапии.

Андрэ же смотрел на нее и молчал. В ее словах была такая простая, грубая, житейская правда, что крыть было нечем. Она не жалела его тонкую душевную организацию, а требовала от него быть лидером своего племени.

В этот момент карман его штанов завибрировал. То был специальный коммуникатор, выданный Хосе. Устройство защищенной связи с биометрическим доступом. Шоу выпрямился. Лицо снова стало жестким, глаза – холодными и сосредоточенными. Он вытащил устройство, приложил палец к сканеру. На экране высветилось имя: «Хосе».

Да, – коротко бросил он в трубку.

Андрэ. – Голос Хосе был напряженным, без привычной бравады. На фоне слышались громкие переговоры и писк аппаратуры. – Прости, что дергаю. Отпуск отменяется. У нас проблема на севере.

Что случилось? – Шоу встал из-за стола, машинально проверяя карманы.

Агуа-Негра. Станция. Гарса зашли на объект двадцать минут назад. Связи с персоналом нет, вероятно, перебили всю охрану и установили глушилки. Телеметрия показывает полную блокировку внешнего управления.

Андрэ прищурился. «Агуа-Негра» была важным энергетическим узлом. Потерять её означало потерять контроль над множеством потоков в целом регионе.

Они выдвинули требования?

Молчат. Суки просто заперлись и молчат. Мои капитаны предлагают штурм, хотят загнать туда бронетехнику и зачистить всё под ноль. Но мне не нравится этот расклад. Гарса либо подорвут станцию, либо привезли туда что-то очень серьезное. Слишком тихо и нагло.

Правильно, что не нравится, – сказал Шоу. Мозг автоматически начал перестраиваться в режим тактического анализа. – Если они молчат, значит, ждут, когда вы придете.

Мне нужна твоя голова, брат. Станция «Госводородовская», профиль твой. Я не хочу отправлять парней в мясорубку вслепую. Авиа будет на крыше дома твоей сестры через двадцать минут.

Жду, я на месте, – ответил Шоу и отключил связь.

Он повернулся к Диане. Она стояла у раковины, не оборачиваясь, но ее спина была напряжена.

Началось? – спросила она, не поворачивая головы.

Да... ЧП... Кажется, у Осорио и Гарса началась война, я должен ехать.

Что ж такое... Не одно, так другое, сколько можно... И что прям сейчас все бросишь и поедешь? – Диана продолжала мыть посуду.

Полечу! Буквально. Осорио отправили авиатранспорт на крышу этого дома.

Дева Мария... – Журчание воды из крана прекратилось.

Не переживай, я в штаб лечу, на перестрелки не собираюсь.

Береги себя... Прошу. – Она повернулась, глаза блеснули, казалось, что вот-вот польются слезы.

Я вернусь, Ди. Это ненадолго. Просто... Это просто «консультация».

Андрэ подошел к сестре и обнял. Затем быстро двинулся в соседнюю комнату, чтобы переодеться и взять вещи. По-военному он справился за минуту, вернулся на кухню. Диана стояла там же, у раковины.

Я найду, – вдруг сказал он, остановившись в дверях.

Что? – не поняла она.

Невесту. Я найду. Когда вернусь. Ты права. Хватит жить прошлым.

Диана посмотрела на него. Ее взгляд смягчился.

Ловлю на слове... Иди. Береги себя, пожалуйста...

Он еще раз обнял и поцеловал сестру, а затем выскочил из квартиры и по лестнице бегом побежал на крышу.

Солнце зашло за горизонт, ночной воздух Гвадалахары ударил в лицо ветром и огнями. Где-то вдалеке уже слышался нарастающий рокот винтов приближающейся вертушки клана Осорио. Андрэ закурил, глядя на мерцающие в небе осветительные приборы.

Через пять минут летательный аппарат с символикой Осорио повис над крышей с целью осуществить нелегальную посадку в непредназначенном для этого месте. Стандартная практика.

Никакой элегантности московских летающих лимузинов. Это было месиво из каркаса от китайского авиамобиля, грубо сваренных труб и бронелистов. Четыре водородных двигателя по бокам выли, поднимая тучи пыли и мусора. Кабина была обложена бронестеклом и решетками. На борту тускло поблескивал ствол пулемета.

Машина зависла в метре над крышей, слегка покачиваясь. Прожектор ударил Шоу в лицо, ослепляя. Пилот стал истерично махать руками, «приглашая» на борт.

Шоу выбросил сигарету, пригнулся под потоком горячего воздуха и побежал к машине. Запрыгнул на подножку, перевалился через борт в жесткое десантное кресло. Ремни безопасности здесь были пятиточечные, как в гоночном болиде.

Он не успел даже застегнуться, как пилот рванул ручку газа. Турбины взревели, меняя вектор тяги, и летающий багги свечкой ушел в небо, вдавливая Андрэ в сиденье. Внизу остались огни Гвадалахары, мирная жизнь и сестра, шокированная динамикой развития событий этим вечером.

Полет занял около сорока минут. Летающий мангал шел на предельно малой высоте, огибая складки местности, чтобы не светиться на радарх официальных властей или конкурентов.

Андрэ смотрел в темноту. Внизу проносились редкие огни поселков, черные провалы каньонов и бесконечная пустыня. Ветер бил в лицо через решетки, выдувая остатки сентиментальности. Теперь здесь, в устройстве, движимом по ночному небу Мексики исключительно божьей помощью, вся эта жалость к самому себе и своему прошлому казалась такой глупостью. «А что, если никому не нужна была моя помощь, и я просто оттягивал неизбежное? Меня ведь никто не заставлял и не просил...» – подумал Андрэ.

Машина резко задрала нос и сбросила скорость, знатно потряхнув загруженного раздумьями пассажира. Впереди, в чаше между горами, вспыхнули посадочные огни. Санта-Клара. Родовое гнездо Осорио.

Летающий бронированный мангал жестко приземлился на бетонную площадку. К нему тут же подбежали техники и боец с автоматом.

За мной! Хосе ждет! – крикнул последний, пытаясь переорать шум пропеллеров.

Шоу спрыгнул на бетон. Ноги гудели после перегрузок. Он поправил одежду, схватил сумку, проверил карманы и двинулся к главному зданию охраны.

Внутри царила атмосфера военного времени. Люди с оружием, короткие команды, напряженные лица. Шоу сразу же провели в ситуационный центр – бункер, вырытый под винным погребом. Прохлада, гул вентиляции, запах табака, крепкого кофе, ружейного масла и потных мужиков.

Посреди комнаты отображалась объемная голографическая карта местности. Вокруг нее стояли пять человек: Хосе, Карлос, два капитана ударных подразделений и невысокий лысоватый мужчина в очках – главный инженер клана, Пабло.

...мы не можем ждать! Давление растет по экспоненте. Если клапан не стравит, рванет так, что в Мехико услышат! – почти кричал Пабло, тыча пальцем в красную зону на схеме.

Если мы войдем, они подорвут ее раньше, – рыкнул Хосе. Он выглядел уставшим, глаза красные, белая перепачканная сорочка расстегнута. – Андрэ! Наконец-то.

Все повернулись. Шоу подошел к столу.

Какова обстановка? – спросил он без прелюдий.

Жопа, – честно ответил Хосе. – Гарса внутри. Двадцать-тридцать ботов и бойцов, плюс техническая группа. Зашли больше часа назад, перестреляли всех парней, заварили двери изнутри.

Так ничего и не потребовали?

Абсолютно.

Шоу посмотрел на голограмму. Станция «Агуа-Негра» представляла собой комплекс перекачки: трубы, турбины, огромные накопительные резервуары.

Что они делают? – спросил Андрэ, вглядываясь в телеметрию.

Точно непонятно, сейчас ломают софт, – громко и раздраженно ответил Пабло, вытирая пот со лба. – Пытаются перехватить управление потоками или теракт хотят устроить! Телеметрия показывает, что давление растет и скоро станция либо сама взорвется, либо ей помогут.

Хосе сказал, что у вас «госводородовская» станция.

Да, основные узлы и агрегаты ставили русские еще десять лет назад. А что это так важно сейчас?

Понятно, почему не выходит у них ничего. Наши ребята исполнили свой долг с достоинством, отрубили центральную систему перед заходом Гарсы. Она ушла на перезагрузку и попросила квантовый административный ключ шифрования, его у Гарсы, естественно, нет. В итоге эти твари решили пойти по беспределу. Врубили насосы на полную мощность в обход контроллеров, но перекрыли выходные задвижки на нашу магистраль. Создают избыточное давление, чтобы автоматика ушла в аварийный режим и сбросила настройки, – быстро и четко проговорил Шоу, чем сильно впечатлил окружающих.

Или чтобы станция превратилась в бомбу, – добавил Карлос мрачно.

Вот именно! – крикнул инженер. – Давление растёт, а мы даже не знаем, какая часть автоматика ещё работает. Я не могу обещать вам ни часа, ни десяти минут. Нужно что-то решать!

Штурмовать сейчас? – отрезал Хосе. – Мы даже не знаем, что там с утечками. Начнется стрельба – можем потерять и людей, и станцию.

Ну так отправьте ботов с газовым оружием!!

У нас нет столько ресурсов, Пабло! – вмешался Карлос.

Они не смертники, – задумчиво произнес Шоу. – Но они понимают, что станцию рано или поздно придется вернуть хозяину, а значит, на ней нужно либо нажиться сейчас, либо уничтожить.

Андрэ, мы это и так понимаем! Таймер тикает, и скоро там все взлетит на воздух! – Хосе ударил кулаком по столу. – Нам нужно обесточить станцию для проведения наземной операции!

Из штаба не выйдет, я же объяснял! – Пабло ткнул в погасший сектор схемы. – Внешнее управление отрезано. Часть служебных данных ещё приходит, но команду мы туда не отправим. Комплекс работает сам по себе.

Тупик.

Шоу молча смотрел на схему. Красные цифры давления ползли вверх. 410... 411... 412... 413...

В голове всплыли воспоминания. Москва. Офис «Госводорода». Скучные лекции по безопасности промышленных объектов в регионах с неблагоприятной обстановкой. Бесконечные спецификации, которые он читал от скуки.

Как называется оборудование? – сумбурно спросил он.

Что? – не понял Пабло.

Чьи насосы стоят на нагнетании? – Шоу изъяснился яснее.

Ну русские, конечно же. Серия «Вихрь-Пром». Там проектно только они и предусмотрены. Почему ты спрашиваешь?

Шоу хрипло рассмеялся, будто забыл, как это делается: то ли впервые за долгое время у него заиграл азарт, то ли вновь появилась какая-то тяга к жизни. Он стукнул кулаком о стенку, достал сигарету и закурил.

Не поверишь, Пабло! Я эти насосы лично руководству «Госводорода» пробивал для поставок в Пакистан! Знаешь почему? Потому что отвечал за риски на зарубежных рынках стран, где стреляют чаще, чем здороваются! Ха-ха-ха! Я знаю, как решить нашу проблему. Мы взорвем к хуевой матери трубу!!

Все собравшиеся молча уставились на бывшего сотрудника Департамента стратегии и развития «Госводорода», абсолютно не понимая, что он несет. Шоу подошел к терминалу управления, отодвинул инженера плечом.

Дай схему обвязки. Входящая магистраль.

Пабло, возмущенно фыркнув, вывел чертеж.

Вот. Труба тысяча двести миллиметров. Идет от побережья. А теперь открой спецификацию на насос. Раздел «Аварийные протоколы». Введи в поиск «потеря источника».

Инженер быстро застучал по клавишам. Нашел файл. Пробежал глазами. Замер.

«При резком падении давления на входе ниже 5 бар... инициируется протокол сохранения целостности агрегата...» – прочел он вслух. – «Принудительный отстрел трансмиссионных муфт... Аварийная остановка генерации... Переход в режим консервации».

Пабло поднял глаза на Андрэ. В них читалось удивление пополам с уважением.

Это страховка, – пояснил Шоу. – «Госводород» не хочет платить за сгоревшие турбины, если террористы взорвут трубу где-то в пустыне. Самое забавное, что в Пакистане именно так и случилось.

Ты предлагаешь... – начал Хосе, начиная понимать.

Я предлагаю не штурмовать станцию, – подхватил Шоу. – А предлагаю дать ей понять, что качать больше нечего.

Он ткнул пальцем в карту, в точку в пяти километрах от станции, где труба проходила по дну сухого русла.

Мы взорвем трубу здесь. Полный разрыв.

Вы спятили?! – криком вмешался Карлос. – Это магистраль! Миллионы кубов водорода! Факел будет до небес! Мы потеряем сырьё на целое состояние!

Во-первых, не миллионы кубов! Труба сегментирована, и в случае аварии в ней моментально закрываются все шлюзы. Во-вторых, она стоит копейки по сравнению со станцией, – холодно парировал Шоу. – И по сравнению с жизнями наших людей.

Шоу сделал паузу и затянулся, давая наследнику Осорио и всем присутствующим переварить информацию.

Объясняю еще раз: мы рвем трубу, давление на входе падает в ноль за секунды. Автоматика станции видит, что магистраль уничтожена. Это аварийный протокол высшего приоритета. Он зашит в железо, его нельзя отключить программно. Система физически подрывает пиропатроны и глушит энергоблок, чтобы не спалить турбины на холостом ходу.

И что тогда? – вмешался Карлос.

Станция обесточивается. Генераторы встают. Свет гаснет. Кондиционеры вырубаются. Давление в контуре падает, потому что насосы больше не качают. Бомба обезврежена.

Шоу обвел взглядом присутствующих.

А Гарса остаются сидеть в темной, раскаленной железной коробке посреди пустыни. Без энергии и связи. Через три часа температура внутри будет шестьдесят градусов. Они сами выползут, – добавил он.

В бункере повисла тишина. Хосе смотрел на Андрэ, потом на карту, потом снова на Андрэ.

Ты уверен, что это сработает?

Это русское железо, Хосе, – ответил Шоу. – Оно может не работать круглый год, но, когда дело касается спасения собственной шкуры и так называемой «защиты от дурака», оно работает всегда. Особенно пиропатроны...

Хосе медленно кивнул.

Карлос! Поднимай дрон с «Хеллфайром». Цель – квадрат 4D-7. Магистральная труба. Рвать к чертям. Маркус, Хуан! – Хосе обратился к командирам штурмовых подразделений. – Подтягивайте силы ближе к станции, готовимся к штурму. Саперную группу усилить дронами. Живо!!

Подчиненные молниеносно обработали приказ и стали спускать указания дальше по цепочке. Пабло схватился за голову и стал молиться.

Есть нюанс, – голос Шоу прорезал суету штаба. – Как только труба рванет и станция обесточится, их системы связи перейдут на аварийные аккумуляторы. Если штаб Гарсы увидит, что потеряли актив, то отдадут приказ взорвать все к чертовой матери.

О чем ты? – Хосе замер, не опуская руки с карты.

О ботах. У Гарсы внутри тяжелая пехота. Если они потеряют связь с центром или получают команду, их протоколы могут переключиться в автономный режим. Они начнут стрелять во все, что движется, чтобы защитить периметр.

И тогда искра, взрыв, и мы потеряли станцию, – закончил мысль Карлос.

Все так, – кивнул Андрэ. – Нам нужно заглушить их. Полный блэкаут в эфире сразу после взрыва трубы и отключения станции.

Хосе на секунду задумался, оценивая риск, затем повернулся к начальнику охраны.

Карлос, разворачивай комплексы РЭБ, проинформируй командиров подразделений. Сразу после подрыва трубы – готовность по команде глушить все на свете. Переходить на лазерный канал связи. У нас есть через что передавать луч на месте?

Есть, поднимем еще один дрон на волокне в воздух.

Отлично, выполняй!

Принял! – Карлос стал передавать новые вводные подразделениям на земле.

Маркус, Хуан! – Хосе вернулся к командирам штурмовых групп. – Подтягивайте силы ближе к станции, но не лезьте на рожон. Саперную группу усилить дронами с ЭМИ-излучателями. Если ползут боты – жгите им мозги, но аккуратно, не заденьте серверную.

Подчиненные молниеносно обработали приказ. Шоу отошел в тень и достал сигарету. Он смотрел на голограмму станции, где красные цифры давления продолжали ползти вверх.

Оставалось только ждать.

Двадцать минут спустя изображение с экрана внешнего наблюдения дрогнуло. Где-то в пяти километрах к северу от станции, в сухом русле реки, вспух огненный шар. Камера на дроне на секунду ослепла от вспышки.

Взрыв был мощный. Через секунду в небо ударил столб горящего газа – сработали отсечные клапаны, и теперь выгорал только тот водород, что остался в изолированном сегменте трубы.

Глуши! – рявкнул Карлос.

Служебные индикаторы станции один за другим погасли. Изображение с внешней камеры осталось.

В бункере все затаили дыхание, глядя на телеметрию станции. Давление на входе: 415... 300... 100... 0.

В динамиках, транслирующих звук с микрофонов, направленных на станцию, раздался глухой, тяжелый механический удар. Как будто гигантский молот опустился на наковальню.

Есть! – выдохнул Пабло. – Пиропатроны сработали! Муфты отстрелились!

Следом послышался нарастающий визг турбин, лишенных нагрузки. Они начали раскручиваться вразнос, но автоматика мгновенно задушила подачу топлива. Гул стих. Огни на схеме станции мигнули и погасли.

Генерация остановлена, – доложил оператор. – Переход в режим консервации. Станция обесточена.

Дайте звук на внешние динамики! – скомандовал Хосе, хватая микрофон.

Его голос, усиленный киловаттами звука броневикулов оцепления, раскатился над пустыней, пробиваясь сквозь бетонные стены погасшей станции.

Говорит Хосе Осорио! Станция обесточена. Связь заглушена. Ваши боты перешли в автономный режим. Вы знаете, что это значит. В темноте их сенсоры начнут сбоить. Через пять минут они перестанут различать своих и чужих. Если начнется стрельба – остаточный водород рванет, и вы сгорите заживо.

Шоу глубоко затянулся сигаретой, наблюдая за тепловизором. Внутри станции началось хаотичное движение.

Отключайте свою технику и выходите с поднятыми руками! – продолжал Хосе. – У вас десять минут!

Дон Хосе, – подал голос Маркус. – Есть риск, что они попытаются заминировать объект перед отходом.

Есть, – ответил Шоу. – Мы вообще не знаем, что они успели там сделать. Я рассчитываю, что жить им всё-таки хочется. Но решать будут они.

На экране тепловизора было видно, как человеческие фигуры внутри станции бросились к массивным, еще горячим силуэтам боевых машин.

Смотрите, – усмехнулся Карлос. – Они их ломают.

Люди Гарсы, подгоняемые животным страхом быть расстрелянными собственной техникой в замкнутом пространстве, вскрывали сервисные люки и рвали провода питания ботов.

Через семь минут движение прекратилось.

Северный шлюз! – крикнул оператор.

Массивная дверь, лязгнув, начала медленно, рывками отъезжать в сторону. Кто-то крутил ручной привод изнутри, надрываясь.

В проеме показалась фигура. Человек без оружия. Он кашлял, закрывая лицо рукавом, и махал грязной белой тряпкой. За ним, спотыкаясь, толкаясь и щурясь от света прожекторов оцепления, вываливались остальные. Потные, грязные, испуганные.

Мы выходим! – донесся крик. – Не стреляйте! Боты отключены!

Принять капитуляцию, – выдохнул Хосе, откидываясь в кресле. – Всех мордой в пол, проверить на пояса смертников. Инженеры – внутрь только после полной зачистки саперами и проветривания.

Подтверждение пришло только после проверки изнутри. Гарса действительно отключили своих ботов. Защита остановила комплекс; станция осталась цела. Хосе заставил повторить доклад. Только тогда выдохнул. В штабе Осорио повисла гробовая тишина. Все замерли. Кто-то продолжал пристально пялиться в мониторы, кто-то смотрел на Хосе с открытым ртом, а кто-то просто не понимал, что все закончилось.

Победа!!! – заорал Карлос, сорвав голос.

Напряжение лопнуло. Бункер наполнился шумом: кто-то смеялся, кто-то хлопал соседей по бронежилетам. Пабло, главный инженер, который еще пять минут назад был бледнее мела, теперь сполз по стенке и нервно хихикал, протирая запотевшие очки.

Пабло, вставай! – гаркнул один из командиров, хлопнув его по плечу так, что тот чуть не сложился пополам. – Хватит о трубе своей думать, старый хрыч! Наши группы без потерь, а железки починить – дело наживное!

Труба... – простонал инженер, но улыбка уже лезла на лицо. – Да черт с ней, с трубой. Сварим новую.

Под утро, когда станцию окончательно проверили, основная суeta переместилась наружу. Грузовики со снаряжением уже рычали двигателями, готовясь к отъезду, саперы деловито паковали оборудование. Андрэ и Хосе стояли на бетонной площадке у входа в здание с бункером. Небо на востоке уже начало сереть – ночь отступала, уступая место утру. Воздух был свежим, пах пылью и горячим металлом.

Хосе достал пачку сигарет, предложил Шоу. Тот взял, щелкнул зажигалкой. Огонек осветил их уставшие, перемазанные потом и грязью лица.

Осорио глубоко затянулся и выпустил струю дыма в небо.

Мы только что выиграли битву без единого выстрела, и ты сыграл в этом очень важную роль, – тихо сказал он, глядя куда-то вдаль.

Я просто читал инструкции и хорошо делал свою работу в Москве, – пожал плечами Шоу.

Нет. Ты вовремя понял, что нужно сделать. Не растерялся. Пабло тоже, наверное, был в курсе пиропатронов, но он человек мирного времени и мыслить по-военному не может. А ты можешь. Это очень важный навык.

Сбоку послышался звук открывающейся двери. Из главного здания вышла Имельда в своем ежедневном образе. Лишь на плечи был накинута плотная шаль.

Она подошла к мужчинам. Охрана вокруг почтительно расступилась. Имельда скользнула взглядом по сыну – убедилась, что цел и не пьян, – и перевела единственный глаз на Шоу.

Знаешь, когда люди плута Арриэты сказали мне, что привезли полутруп друга моего сына вместе с военным барахлом, – начала речь она своим характерным хрипловатым голосом, – я решила, что это человек, который ищет смерти, потому что не знает, как жить.

Шоу вытащил сигарету из рта, взяв в руки, и молчал, глядя на Имельду.

Но сегодня я видела другое, – продолжила она. – Ты сохранил моих людей и деньги Семьи. Это поступок мужчины, у которого есть цель, а не сопливого мученика, оставленного на поедание стервятникам.

Она подошла ближе, заглядывая ему в лицо.

Хватит изображать призрака, Андрэ. Твоя меланхолия и страдания по прошлому – это роскошь, которую мы здесь не можем себе позволить. Ты показал, что еще не все твои зубы

выбиты. Теперь ты нужен клану не как гость, которого мы прячем от дождя, а как часть силы. – Она сделала паузу, глядя на Шоу. – Сегодня началась война семьи Осорио с выскочками из клана Гарсы, и твоя голова нам теперь очень пригодится.

Я понял, дона, – кивнул Шоу, в глотке образовался нервный ком.

Вот и славно. И еще, – добавила она, уже разворачиваясь, чтобы уйти в дом. – Твоя сестра. В Гвадалахаре ей делать нечего. Перевези ее сюда. В главном доме для нее найдется комната, еда и защита. Негоже семье жить по разным норам, пока ты тут воюешь.

Шоу замер. Тлеющий уголек сигареты дополз до фильтра и обжег пальцы. Он вспомнил кухню Дианы, ее упрямый взгляд и слова про золотую клетку. Стало понятно, что сопротивляться она будет до последнего.

Я предложу ей... Но она молодая и буйная, – ответил он.

Андрэ, будь мужчиной. Не предлагай, а привози, – бросила Имельда через плечо и встала у входа в дом. – И еще скажи, что мы ей тут найдем достойную пару, я знаю, что у нее никого нет, – отрезала глава клана и скрылась за дверью.

Хосе усмехнулся, докуривая сигарету.

Ну, ты слышал маму. Спорить бесполезно, – хлопнул он его по плечу. – Ладно, ты иди отдыхай, а мне тут еще нужно разобраться.

Хосе подмигнул своему другу детства и быстрым шагом двинулся к грузовикам, попутно ругаясь на подчиненных. Андрэ достал еще одну сигарету из пачки и остался стоять на бетонной площадке. Он посмотрел на свои руки – грязные, пахнущие табаком и мазутом. Внешне он был все тем же уставшим, небритым мужиком в родной, но пока что все еще чужой стране.

Внутри стало тише. Война, которая пришла так внезапно, требовала думать только о настоящем.

Москва, 19 июля 2110 года

Роберт вышел из вагона метро на станции у башни с уже знакомым ему складом. «Североморская» не отличалась каким-то особенным дизайном, как и все другие станции подземки за Седьмым кольцом. Она была выполнена в духе «утилитарной бедности», без каких-либо оригинальных дизайнерских решений, но зато с обильным присутствием грязи и маргинальных, уставших пассажиров.

Чековский вышел из зала, быстрой походкой пролетел сквозь пункты пропуска и бегом взобрался по ступенькам на поверхность. Башня со складом находилась в полутора километрах от выхода из метро. Недолго думая, он уверенной походкой направился к месту встречи.

Днём на улицах Десятого кольца находилось не очень много народу. Картина окружающей среды складывалась в основном из ржавых уборочных ботов, дронов, летающих вокруг обшарпанных зданий, кучи наружной рекламы и праздно шатающихся бездельников. Чейз, одетый в более-менее приличную одежду со встроенным охлаждением, доставшуюся из прошлой жизни, заметно выделялся на фоне местного ландшафта. Нетипичным для «донного планктона» было и наличие продвинутых имплантов, ровной осанки, приятных черт лица и вменяемого парфюма. В целом со стороны он походил на заблудившегося любителя экстрима, приехавшего из центра в трущобы с туристическими целями.

В голове кружил вихрь мыслей о предстоящей работе и о Харисе. На лбу от чрезмерной умственной мобилизации даже вскочила вена. Его движения были рублеными, нервными, а походка напоминала неумолимый марш расстрельной команды. Он разрывался между необходимостью войти в круг привилегированных членов мафии, выполняя поручения Катермана и Капкана, и нестерпимым желанием чуть ли не самостоятельно напасть на штаб-квартиру РКС.

На полпути ему предсказуемо преградила дорогу троица местных киберпанков, решивших пожить за счет «туриста».

– Слышь, аристократ, заблудился? Токенов отлей, дорогу покажем.

Чейз даже не сбавил шаг. Он посмотрел на самого крупного из них как на препятствие, которое нужно тупо перешагнуть. Весь его вид, рубленый и нервный, теперь сконцентрировался в один короткий, мертвый взгляд так, что панкам резко поплохело.

– Психованный какой-то, – пробормотал один из них, непроизвольно отходя в сторону, чтобы уступить дорогу. Не сказав ни слова, Чейз прошел дальше и через пять минут был у мегабашни.

Роберт поднялся на второй этаж, дошел до нужной двери и постучал. По ту сторону раздался недовольный вздох, а затем бряцанье замков. На посту стояла всё та же туша с навороченным пистолетом-пулемётом на шее. Охранник надменно оглядел Чековского, слегка подвинулся и жестом показал, что можно проходить. Роберт уверенно шагнул внутрь. На часах было 14:47, до обозначенного времени оставалось 13 минут.

– Всем добрый день, – нарочито мужественно и громко поздоровался Чейз, оглядывая помещение.

Присутствующие почти не проявили никакого внимания к новичку, послышалась лишь парочка приветствий от самых сердобольных. Внутри находилось несколько лиц, знакомых с прошлого раза, и всё тот же партизанский бардак.

Чейз медленно подошёл к диванам в углу. Там собралась очередная кучка головорезов, играющих в карты. Едва ли можно было понять, были ли это те же, что и пару дней назад, или же другие. В конечном счёте они выглядели так, будто сидят на этих диванах круглосуточно.

– Здравствуйте, уважаемые, – ещё раз поздоровался новенький. – Меня Роберт зовут. Капкан велел сюда прибыть для встречи с ним. Не знаете, он тут уже?

– Ну здорова, новенький. Капкан у Болта сидит, его лучше не дёргать щас. Сам выйдет, когда надо будет, – ответил самый сознательный и милосердный головорез со слегка лишним весом и рыжей лысиной. – Кидай кости на диван пока.

– Понял, спасибо... – ответил Чейз и замешкался, не понимая, принимать предложение сесть или нет.

– Падай давай, потрещим, – подхватил второй с кривой татуировкой паука на шее, тасуя колоду. – В «козла» умеешь? Или вы, «водородные», только в гольф играете?

Чейз сел на край дивана, соблюдая дистанцию.

– Спасибо, в карты не играю, – вежливо, но твердо ответил он.

– Ну так надо, значит, заиграть, – настоял тот, что тасовал колоду.

– Я же сказал. Я. Не играю. В карты, – с металлом в голосе повторил Роберт.

Головорезы переглянулись. В воздухе повисло напряжение.

Первым его разрядил жирный с рыжей лысиной, который и пригласил Чейза присесть. Он хмыкнул и откинулся на спинку дивана, демонстративно убирая карты.

– Ладно-ладно. Не играешь – дело хозяйское, – буркнул он и закинул ногу на ногу. Напряжение спало с десяти баллов до шести с половиной. – Ты ж, эт-самое, из этих... «водородных». Чё, правда, у вас там, на Первом кольце, воздух специальный? Типа, с ароматом фиалки? А то у нас тут только мочой да говном воняет.

Третий, самый молчаливый, тупо хрюкнул.

Чейз на секунду прикрыл глаза, а затем позволил себе кривую, едва заметную ухмылку.

– Да нет. Там воняет тем же дерьмом, – ответил он, глядя на верстак в центре комнаты.

– Просто распыляется из очень модных вентиляторов в очень дорогой упаковке. Так что привыкать не пришлось.

Этот ответ им понравился. «Рыжий» одобрительно кивнул.

– Во, это по-нашему, – влез «Паук» и наклонился вперед. – Слышь, аристократ... А чё ты тут-то забыл? Бабки кончились? Или, типа, экстрима захотелось? На сафари приехал?

Чейз перевел на него свой мертвый взгляд.

– Сафари? – он снова усмехнулся, но в этот раз в голосе не было и грамма юмора. – Скорее, принудительная релокация. Сменил, так сказать, экосистему.

Слова «релокация» и «экосистема» прозвучали в этом гадюшнике как нечто сверхумное. Головорезы не поняли точных терминов, но уловили суть.

– То есть все-таки бабки? – не унимался Паук.

– То есть меня кинули, – отрезал Чейз.

Паук и Рыжий сделали озадаченно-понимающий вид и кивнули головой. Третий ничего не понял, но спустя пару секунд тоже покачал головой, чтобы не отставать от своих дружков.

– Ясно. – Рыжий кивнул, уже без подколов. – Ну, добро пожаловать на дно. А работать-то чё умеешь? Ты по «железу»? Кодер? Или по «мокрому»?

Чейз посмотрел на свои руки. Полгода назад они подписывали многомиллиардные контракты, а совсем недавно вырывали кадык алкашу в «Гримграде».

– Я... Управленец, – медленно проговорил он. Паук хотел было снова съязвить, но Чейз его опередил. – В «Госводороде» я отвечал за то, чтобы увольнять целые отделы в рамках изменения стратегии компании и корпоративной оптимизации. Тысячи человек. Без выходного пособия. Так что да, – он поднял глаза на Рыжего, – я умею делать людям больно. Очень больно. Просто раньше делал это, сидя в башне «Госводорода», собственно, которую мой отец и построил. Теперь, видимо, придется пачкать руки реальной кровью почаще.

В этот момент даже Паук заткнулся.

Рыжий уважительно кашлянул и снова взял в руки колоду, но уже чтобы просто занять руки. Оставшиеся минуты они сидели в тишине. Больше вопросов не было.

Тишину прервал звук открывающейся двери.

Дверь в кабинет Сергея Васильевича приоткрылась, и из проёма показалась длинная фигура Куксы. Он продолжал разговаривать с Болтом, уперевшись рукой о дверной косяк. Спустя минуту он закончил и направился к центру помещения.

– Где молодой? – громко прохрипел Капкан, обращаясь ко всем присутствующим.

– Тут я. – Чейз чуть ли не с улыбкой на лице резко встал с дивана.

– Рыжий, ты тоже подрывайся, поехали. – Капкан ткнул пальцем в сторону лысого головореза, который и предложил Чейзу присесть. – Дело есть. Сергей Васильевич занят. С ним потом поговоришь.

Капкан развернулся и, не дожидаясь ответа, пошагал к выходу. Рыжий, кряхтя, поднялся с дивана, сунул колоду в карман засаленных джинсов и подмигнул Роберту.

– Ну, погнали, «стратег». Посмотрим, как ты в полевых условиях свои графики чертишь, – очень деловито добавил он, набивая цену перед Куксой.

Чейз включил систему управления настроением, чтобы подавить легкий выброс адреналина от тупости мешков, с которыми ему пришлось провести целых десять минут, и молча двинулся следом.

Они спустились на парковку. Капкан подошел к огромному, наглухо тонированному внедорожнику – старому, еще на бензиновой тяге, воняющему несгоревшим топливом. Рыжий достал ключ-карту и сел за руль.

– Студент, ты на заднее, – бросил Кукса и залез в джип.

Роберт дернул за ручку. Дверь с тяжестью отворилась. Очевидно, бронированная. Салон пах дешевым табаком, старой кожей и, кажется, засохшей кровью. Капкан сразу же открыл окно и закурил.

Машина рыкнула, выплюнула клуб сизого дыма и рванула к выезду, едва не задев бетонную колонну.

– Куда едем? – спросил Чейз, глядя в затылок Куксе. Тот выпустил дым в окно, не оборачиваясь.

– На экскурсию. Есть тут один задрот, который решил в коммерса поиграть. Солнце голову припекло, думает, что он самый умный. Силу почувствовал, крысу включил. Думает, если поставил себе охрану из двух роботов-утильщиков, то Бога за яйца поймал.

Рыжий хохотнул, выруливая на разбитую дорогу промзоны. Подвеска жалобно скрипнула.

– Мы ему объясним, – продолжил Капкан, глядя на мелькающие за окном руины. – Что математика в этом районе работает по-другому. Ты же у нас спец по цифрам? Вот и посчитаешь ему убытки.

– Что от меня требуется?

– Смотреть. Учиться. Если скажу – действовать. Но пока просто не мешайся под ногами и впитывай. Увидишь, как решаются вопросы без выходных пособий и юристов.

Внедорожник подпрыгнул на яме, спрятанной в огромной луже. Чейз влетел головой в потолок. Матерясь про себя, он схватился за ручку. Несмотря на последствия вечернего ливня, город за окном становился чуть более «цивилизованным». Джип переехал границу Седьмого кольца в район, где обитали те, кто чуть побогаче соплеменников. Но это все еще был мир, в котором человеческая жизнь стоила меньше, чем пачка сигарет.

– Подъезжаем, – бросил Рыжий, сбавляя ход. Впереди показалась мегабашня, не самого убитого вида. Такие ставились на Седьмом кольце для тех, у кого не было возможности переехать на нейтральное Шестое кольцо, но уже не хотелось жить в откровенном свинарнике. Мегабашня даже была огорожена забором, а у входа стояли два дроида кустарной сборки – ржавые, нелепые, но с вполне рабочими шокерами на манипуляторах. Капкан достал из-под сиденья дробовик.

– Ну что, Роберт Владимирович. Добро пожаловать на совет директоров. Тормози!

Внедорожник скрипнул колесами и встал как вкопанный в 10 метрах от входа.

– Рыжий, жди, – скомандовал Кукса, вылезая под моросящий дождик. – Пошли, студент.

Капкан буднично дослал патрон в патронник и шмальнул по ближайшему боту. Из ствола вылетел продолговатый снаряд, который при полете к цели разорвался и выпустил электрическую сеть, окутавшую дроида. Тот сторел почти сразу. Перезарядка. Выстрел. Второй упал точно так же. Кукса повесил дробовик за спину и достал из кармана «декодер», затем поднес его к замку на калитке. Снопы искр разлетелись во все стороны. Магнитный замок отправился вслед за дроидами в утиль. Дверь в подъезд любезно открылась после смачного пинка армейским сапогом. На всё про всё ушло не больше десяти секунд.

Чейз зашел следом, оглядывая почти помытый подъезд.

– Кто он? – спросил Чековский, сохраняя тон, будто ничего такого не произошло.

– Паспортист Аркадий. Цифровой ювелир, мать его, – сплюнул Капкан. – Делает фантомов. Новые личности, чистая биометрия, проходки через светильники.

– И в чем проблема? Он не заплатил процент?

– Хуже. Этот пидор продал генератор мексиканским педикам с Серпуховского. Это мастер-код для создания кучерявых профилей. Уникальный товар пошел мимо кассы. Аркаша решил, что он незаменимый. Мы пришли забрать исходник и объяснить, что незаменимых у нас нет. Есть только живые и мертвые.

Оба зашли в лифт. Кукса вдавил кнопку 20-го этажа. На удивление, пахло не мочой, а хлоркой. Коридор. Стук в дверь квартиры 2065. По ту сторону послышалось шарканье шагов. В эту же секунду Капкан со всей дури вломил по двери плечом с имплантированной рукой.

На полу уже валялся мужчина лет сорока пяти, в очках, в домашнем свитере, получивший по лбу дверью. Интеллигентный, мягкий вид. Кукса ударил лежащего ногой в живот, тот хотел заорать от боли, но пинок был такой силы, что сбил дыхание напрочь. Бандиты зашли внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.